

# Расплата

**Автор:**

Джон Гришэм

Расплата

Джон Гришэм

Гришэм: лучшие детективы

Миссисипи, 1946 год.

Пит Бэннинг был героем городка Клэнтон, идеальным южанином – ветераном войны, верным мужем, любящим отцом двоих детей, верующим христианином, преуспевающим фермером, добрым соседом.

Но однажды осенним утром Пит Бэннинг встал пораньше, приехал в город... и хладнокровно убил приходского священника Декстера Белла. И единственное, что он говорит на допросах в полиции и своему адвокату: «Мне нечего сказать».

Защитник Бэннинга понимает: ветеран действительно готов скорее отправиться на электрический стул, чем объяснить причину, толкнувшую его на преступление. И единственный шанс спасти клиента от казни – самому выяснить, что заставило его совершить ужасный поступок...

Джон Гришэм

Расплата

© Перевод. А.А. Соколов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

## Часть 1

### Убийство

#### Глава 1

Холодным утром в начале октября 1946 года Пит Бэннинг проснулся до рассвета и больше не помышлял о сне. Лежал на кровати, смотрел в темный потолок и в тысячный раз задавал себе вопрос: хватит ли у него храбрости? И, в конце концов, при первых проблесках наступающего дня выглянул в окно и признал мрачную реальность: настало время убить. Понимание этого стало настолько всепоглощающим, что он не мог продолжать заниматься повседневными делами. И пока не сумеет выполнить задуманное, он не сможет оставаться прежним. План был простым, но в голове никак не укладывался. Последствия его поступка будут сказываться десятилетиями и повлияют на судьбу многих из тех, кого Пит любит, и тех, кого нет. Дурная слава превратится в легенду, хотя ему никакая слава не нужна. Такова его натура – он не хотел привлекать к себе внимания, но такое невозможно. У него нет выбора. Истина постепенно прояснялась, и когда стала очевидной, убийство, подобно восходу солнца, превратилось в неизбежность.

Пит, как обычно, медленно оделся – израненные на войне ноги после сна болели – и двинулся через темный дом в кухню, где включил тусклый свет и заварил кофе. И пока напиток закипал, неподвижно стоял у стола, за которым завтракал, слегка согнув колени и сцепив на затылке руки. Морщился, чувствуя, как боль отдается из бедер в лодыжки, но в течение десяти секунд не менял позы. Расслабился и, повторяя движения еще и еще, с каждым разом приседал все ниже. В его левой ноге был металлический стержень, в правой – шрапнель.

Пит налил кофе, добавил молоко и сахар, вышел на заднее крыльцо и остановился. На востоке поднималось солнце, и его желтоватый свет ложился на море белого. Поля налились хлопком, казавшимся выпавшим снегом. В другой день Пит улыбнулся бы – обильный будет урожай. Но сегодня улыбок не будет, одни слезы, много слез. Избежать убийства стало бы трусостью, а это понятие ему незнакомо. Пит пригубил кофе и, полюбовавшись пейзажем, будто ощутил поддержку от спокойствия земли. Бэннинги более ста лет владели лежавшими под белым покровом пластами плодородной почвы. Власти заберут его отсюда и, вероятно, казнят, а вот земля будет существовать вечно и поддержит семью.

Очнувшись от дремы Мак, его енотовидная гончая, и вышел к нему на крыльцо. Пит заговорил с ним и потрепал по голове.

Коробочки с хлопком лопались, и вскоре бригады рабочих погрузятся в фургоны и отправятся на дальние поля. Мальчишкой Пит ездил в фургоне вместе с неграми и по двенадцать часов в сутки таскал мешки с хлопком. Бэннинги были фермерами и землевладельцами, но в то же время работягами, а не новоявленными плантаторами, чью сладкую жизнь обеспечивал пот других.

Пит сделал глоток кофе, глядя, как светлеет небо и белеет падающий на землю снег. Между сараем для скота и птичником слышались голоса готовившихся к новому трудовому дню негров. Этих мужчин и женщин он знал всю жизнь – беднейшие крестьяне, чьи предки сто лет обрабатывали эту землю. Что с ними станет после убийства? Ничего особенного. Они выживают, довольствуясь самой малостью, и ничего другого не знают. Завтра соберутся в то же время, в том же месте в пораженном молчании, пошепчутся над костром, безусловно, встревоженные, однако готовые выполнять работу и получать зарплату. На урожай ничто не повлияет; обильный, он будет вызревать, как положено.

Пит допил кофе, поставил чашку на перила крыльца и закурил. Он думал о детях. Старший сын Джоэл учился в Вандербилтском университете, Стелла была второкурсницей в Холлинзе, и Пит радовался, что они далеко. Он почти ощущал, как дети испугаются и смутятся оттого, что их отца посадят в тюрьму. Но не сомневался, что они, как и крестьяне, выживут. Дети были умны, хорошо приспособлены, и земля останется с ними. Они завершат образование, вступят в удачный брак и во всем преуспеют.

Продолжая курить, Пит взял чашку, вернулся в кухню и шагнул к телефону, чтобы позвонить сестре Флоренс. Наступила среда, день, когда они встречались

за завтраком, и Пит сообщил, что скоро появится. Он вылил остатки кофе, опять закурил и снял с крюка у двери рабочую куртку. С Маком пересек задний двор и вышел на тропу в огород, где Нинева и Эймос в изобилии выращивали овощи, которые кормили и Бэннингов, и тех, кто от них зависел. Миновал скотный двор и услышал, как Эймос, готовясь доить коров, разговаривает с ними. Пожелал ему доброго утра, и они обсудили, какого борова выбрать для субботнего потрошения.

Пит шел, не хромя, хотя ноги болели. Под навесом для тракторов негры, попивая кофе и болтая, собрались у ямы с костром. Увидев его, замолчали. Некоторые поздоровались: «Доброе утро, мистер Бэннинг», и он заговорил с ними. Мужчины были в старых, грязных комбинезонах, женщины – в длинных платьях и соломенных шляпах. Обувь никто не носил. Дети и подростки с заспанными глазами и унылыми лицами сжались под одеялами и с ужасом думали об очередном дне на уборке хлопка.

На земле Бэннинга работала школа, которая появилась благодаря щедрости богатого еврея из Чикаго, отец Пита тоже внес вклад в ее строительство, следя за расходом средств. Бэннинги настаивали, чтобы все дети цветных на их территории оканчивали хотя бы восемь классов. Но в октябре, когда самым главным был сбор урожая, школу закрывали, а учеников посылали на поля.

Пит пообщался со своим белым мастером Бафордом. Они обсудили погоду и сколько тонн хлопка удалось собрать накануне, его цену на торговой бирже в Мемфисе. В разгар уборочной страды рук всегда не хватало, и Бафорд ждал грузовик с белыми рабочими из Тупело. Он рассчитывал на них еще вчера, однако они не прибыли. Прошел слух, будто фермер в двух милях от них предложил на пять центов больше за фунт, но такие разговоры постоянно велись во время сборки урожая. Бригады работали день хорошо, на следующий год исчезали, а затем возвращались, взвинтив цену. У негров не было преимущества предлагать себя по всей округе, и Бэннинги славились тем, что платили всем одинаковое вознаграждение.

«Ожили» два трактора, и работники погрузились в фургон. Пит смотрел им вслед, когда они, раскачиваясь, удалялись, пока не скрылись за снегопадом.

Пит снова закурил, прошел под навесом и оказался на грязной дороге. Флорри жила в миле отсюда, на своей земле, и теперь Пит ходил туда пешком. Болезненное путешествие, но врачи рекомендовали долгие прогулки, чтобы

тренировать ноги в надежде, что боль когда-нибудь стихнет. Пит в этом сомневался и смирился с мыслью, что ноги до конца жизни будут жечь и изводить болью. Хорошо уже то, что он жив. Однажды его признали мертвым, и сейчас Пит действительно был близок к концу, так что теперь должен считать каждый день подарком.

До нынешнего момента. Сегодняшний день станет последним днем той жизни, которую он знал. И Пит это принял, потому что выбора не было.

Флорри жила в красном коттедже, Пит построил его после того, как, оставив им землю, умерла их мать. Флорри была поэтессой и нисколько не вникала в фермерское дело, зато живо интересовалась доходом, который оно приносило. Ее шестьсот сорок акров были такими же плодородными, и она сдала их Питу за половину выручки. Соглашение заключили на словах, но, основанное на доверии, оно было таким же надежным, как если бы его скрепили подписями на бумаге.

Когда Пит пришел, Флорри находилась на заднем дворе у сетки с птицами – кормила и разговаривала со своими попугаями и туканами. В отдельном закутке сидели цыплята. Два золотистых ретривера лежали на траве и наблюдали за кормежкой – их не волновали экзотические пернатые. Как и кошки в доме, на которых они не смотрели.

Пит указал место на крыльце, чтобы Мак остался там, а не заходил внутрь. Мариэтта хлопотала в кухне, и в доме витал аромат бекона и кукурузных лепешек. Пит поздоровался и сел за стол. Она налила ему кофе и принялась читать утреннюю газету Тупело. На старой фотографии в гостиной певица сопрано выступала в обстановке жуткой бедноты. Пит порой задавал себе вопрос: сколько еще людей слушали оперу в округе Форд?

Закончив возиться с птицами, Флорри вошла в заднюю дверь, пожелала брату доброго утра и села напротив. Ни объятий, ни ласк. Все, кто знал Бэннингов, считали их холодными, сухими, лишенными теплоты, редко проявляющими эмоции. И это было правдой. Однако подобное поведение было не намеренным – просто их так воспитали.

Флорри было сорок восемь лет. В молодости она вышла замуж, но брак оказался неудачным и продолжался недолго. В округе было немного разведенных

женщин, и на нее смотрели, как на чем-то ущербную и даже, не исключено, безнравственную. Ей было безразлично. Флорри не могла похвастаться обилием знакомых и редко покидала поместье. За спиной ее называли Птичьей госпожой и, надо заметить, без сочувствия.

Мариэтта пожарила им толстые омлеты с помидорами и шпинатом и подала с кукурузными лепешками в масле, беконом и земляничным джемом. Кроме кофе, сахара и соли, все было с огорода.

– Вчера я получила письмо от Стеллы, – сообщила Флорри. – У нее все хорошо, хотя трудно даются интегралы. В отличие от меня она больше любит литературу и историю.

Детям Пита полагалось писать тетке по письму в неделю, а та посылала им не менее двух. Сам Пит не любил писать и не требовал, чтобы отпрыски особенно старались, но переписка с теткой стала для них строгим правилом.

– Ничего не получила от Джоэла, – пожаловалась Флорри.

– Вероятно, занят, – произнес Пит, переворачивая страницу газеты. – Он все еще встречается с той девушкой?

– Похоже. Но ему слишком рано думать о любви. Объясни ему, Пит.

– Он не слушает. – Пит положил в рот кусок омлета. – Единственно чего хочу, чтобы он скорее получил диплом. Устал платить за обучение.

– Надеюсь, сбор хлопка идет хорошо?

– Могло быть лучше. И цена вчера снова упала. Слишком обильный в этом году урожай.

– Цена скачет то вверх, то вниз. Когда высокая, не хватает хлопка, когда низкая – переизбыток. Плохо и то, и другое.

– Возможно.

Пит обдумывал, не предупредить ли сестру, что` их ждет. Но она неправильно поймет, придется умолять отказаться от своего намерения, устроит истерику, они подерутся, чего не случалось уже несколько лет. Убийство кардинально изменит ее жизнь, и с одной стороны, он жалел Флорри и считал, что нужно все объяснить. Но с другой – понимал, что объяснить невозможно и никакая попытка не послужит благородной цели.

Трудно было осознать, что, наверное, они в последний раз завтракают вместе, но в это утро Пит делал многое в последний раз.

Им полагалось обсудить погоду, и разговор продолжался несколько минут. Согласно календарю, следующие две недели должны быть прохладными и сухими – идеальная погода для сбора хлопка. Пит выразил прежнюю озабоченность по поводу нехватки полевых рабочих, но сестра напомнила ему, что во время каждой уборочной страды это постоянная жалоба. Только на прошлой неделе Пит сетовал на отсутствие временных работников.

Во время войны Пит наголодался и знал, как мало требуется телу, чтобы выжить. Благодаря худобе уменьшалась нагрузка на ноги. Пит прожевал кусок бекона, сделал глоток кофе и, слушая рассуждения Флорри по поводу смерти двоюродного брата, который, по ее мнению, в свои девяносто лет ушел безвременно, перевернул очередную газетную страницу. Смерть буквально витала в его голове, и он попытался представить, что` в ближайшие дни о нем напишет газета Тупело. Появятся статьи, непременно появятся, но он не хотел обращать на себя внимание. Однако с этим ничего не поделать, и он боялся сенсационности.

– Ты плохо ешь, – заметила сестра. – И, по-моему, похудел.

– Нет аппетита, – ответил Пит.

– Наверное, много куришь?

– Столько, сколько хочу.

Питу было сорок три года, но, по мнению сестры, он выглядел старше. Его густые темные волосы на висках поседели, лоб избороздили длинные морщины. Ушедший на войну brave солдат слишком быстро старел. Давили груз и память,

но Пит хранил их в себе. Пережитый ужас нельзя обсуждать, во всяком случае, он этого делать не станет.

Раз в месяц Пит принуждал себя справляться о поэтическом творчестве сестры. За последние десять лет какие-то малоизвестные литературные журналы напечатали несколько ее стихотворений. Но, несмотря на отсутствие успеха, она больше всего любила изводить брата, его детей и узкий круг приятелей разговорами о своих последних достижениях. Бесконечно рассуждала о своих «планах» или об издателях, которым нравится ее творчество, но они не могут найти место для ее стихов, о том, сколько писем она получает от поклонников со всего света. Но почитателей Флоренс было отнюдь не так много, как она воображала, и Пит подозревал, что пришедшее три года назад из Новой Зеландии от какой-то потерянной души письмо было единственным с иностранной маркой.

Пит не читал стихов и после того как был вынужден познакомиться с творениями сестры, поклялся, что больше не прочитает ни одного. Он предпочитал прозу, особенно авторов с Юга, например, Уильяма Фолкнера, с которым однажды повстречался на коктейле в Оксфорде.

Но этим утром было не до поэзии – ему предстояло страшное дело, причем то, какое нельзя ни отменить, ни отложить.

Пит отодвинул тарелку с недоеденным омлетом и допил кофе. Бросил: «Все было очень вкусно», поблагодарил Мариэтту, надел рабочую куртку и вышел из дома. Мак ждал на ступенях. Флорри попрощалась с крыльца, он ответил, не оборачиваясь.

Снова оказавшись на грязной дороге, Пит зашагал шире, разгоняя накопившуюся после получасового сидения скованность. Солнце поднялось и сушило росу, и клонившиеся на сгибающихся стеблях коробочки с хлопком будто молили, чтобы их сорвали. Пит шел один – человек, дни которого теперь были сочтены.

Нинева была в кухне, тушила на газовой плите для консервов последние помидоры. Пит налил себе свежего кофе, направился в кабинет и, сев за стол, принялся приводить в порядок бумаги. Все счета были оплачены. Баланс на

банковских счетах между приходом и расходом в норме, денег достаточно. Пит написал жене письмо на одной странице, вывел на конверте адрес и приклеил марку. Положил чековую книжку и кое-какие документы в портфель и поставил рядом со столом. Из нижнего ящика достал «Кольт» сорок пятого калибра, проверил, все ли шесть камер в барабане заряжены, и засунул в карман рабочей куртки.

В восемь часов Пит сказал Ниневе, что собирается в город, и спросил, не нужно ли ей чего-нибудь. Она ответила, что нет, и он в сопровождении Мака спустился с крыльца. Открыл дверцу своего нового «Форда» 1946 года. Мак прыгнул на сиденье с пассажирской стороны – пес редко упускал возможность прокатиться в город, и теперь все будет как всегда, по крайней мере для собаки.

Родители Пита построили свой замечательный дом в колониальном стиле до банкротства в 1929 году, и теперь он значился под номером 18 на шоссе к югу от Клэнтон. Дорогу окружного значения замостили год назад на послевоенные федеральные средства. Соседи полагали, что это произошло благодаря влиянию Пита, но это было не так.

Дом Бэннингов отстоял от Клэнтон на четыре мили, и Пит вел автомобиль, как всегда, медленно. Движение на шоссе не было, если не считать груженных хлопком запряженных мулами случайных повозок. Немногие, вроде Пита, крупные фермеры владели тракторами, и большинство работ во время вспашки и посевной выполняли мулы. Так же и на сборе урожая. «Джон Дир» и международные корпорации по выпуску сельхозтехники пытались привить машинные способы уборки, которые со временем исключат ручной труд на полях, но у Пита на сей счет возникали сомнения. Не то чтобы они что-либо значили. Сейчас не значило вообще ничего, кроме того, что ему предстояло выполнить.[1 - Американская компания по производству тракторов и комбайнов. – Здесь и далее примеч. пер.]

Хлопок с проезжавших повозок испестрил обочины дороги. Два болтавшихся у колеи на поле сонных цветных пареньках помахали ему руками – узнали один из двух новых «фордов» в округе. Пит их не узнал, закурил и, въезжая в город, что-то сказал Маку.

Неподалеку от площади, где располагалось здание суда, он остановился напротив почты и смотрел на снующих пешеходов. Опасался столкнуться с теми, кто знал его или кого знал он, поскольку после события свидетели будут давать

банальные показания вроде: «Я его встретил, у него был совершенно нормальный вид», в то время как другие заявят: «Столкнулся с ним у почты, он был в полном раздрае». После трагедии всякий, кто прикоснется к событию, станет преувеличивать свое участие и значимость.

Пит вылез из машины, подошел к почтовому ящику и опустил в него письмо жене. Отъезжая, обогнул здание суда с окнами от пола до крыши и тенистым газоном и смутно представил, каким будет его процесс. Наденут ли на него наручники? Проявят ли судьи сочувствие? Совершат ли адвокаты чудо и сумеют ли его спасти? Слишком много вопросов, на которые нет ответов. Пит миновал чайную, где каждое утро юристы и банковские служащие разглагольствовали за чашками с обжигающим кофе с печеньем, и попытался вообразить, что они станут говорить об убийстве. Сам он не ходил в чайную, поскольку был фермером и не имел времени для праздных бесед.

Пусть болтают! В том, что собирался совершить, Пит не ждал сочувствия ни от них, ни от кого-либо другого в округе. Сочувствие его не волновало, он не искал понимания и не собирался ничего объяснять. В данный момент ощущал себя солдатом, обязанным выполнить приказ.

Пит припарковался на улице в квартале от методистской церкви. Вылез из машины, мгновение раминал ноги, застегнул на «молнию» куртку, сказал Маку, что скоро вернется, и направился к церкви, которую семьдесят лет назад помогал строить его дед. Путь недолгий, и по дороге он никого не встретил. Значит, некому будет потом заявлять, будто видел Пита Бэннинга.

Преподобный Декстер Белл начал служить в методистской церкви Клэнтоне за три месяца до Перл-Харбора. В его послужном списке это был третий приход. Если бы не война, он, как принято у методистов, через два-три года получил бы назначение в другой храм. Но нехватка кадров путала все. Методистские священники служили в одном приходе два, от силы три года, затем их переводили в новый. Преподобный Белл оставался в Клэнтоне пять лет и понимал: вопрос перевода – дело времени. К несчастью, он не успел получить его.

Как всегда утром по средам, священник сидел в своем кабинете в помещении за красивым алтарем. Церковный секретарь работал лишь три раза в неделю во

второй половине дня. Преподобный завершил утренние молитвы, открыл на столе Библию и два справочника и планировал следующую службу, когда в дверь постучали. Прежде чем он успел ответить, створка распахнулась, и в комнату решительно вошел хмурый Пит Бэннинг.

– Доброе утро, Пит! – произнес удивленный вторжением Декстер. Он сибирался встать, но Пит выхватил пистолет с длинным дулом и бросил:

– Ты знаешь, почему я здесь!

Белл застыл и, глядя в ужасе на оружие, едва выдавил:

– Пит, что вы творите?

– Я убил много людей на поле сражения. Все они были храбрыми солдатами. Ты, священник, первый трус.

– Пит, не надо! – Декстер вскинул руки и откинулся на стуле. Глаза округлились, челюсть отвисла. – Если дело в Лизе, я могу объяснить. Пит, подождите!

Пит шагнул вперед, навел на Декстера пистолет и нажал на курок. Он научился стрелять из любого оружия и убил на войне больше людей, чем мог припомнить. А жизнь провел в лесах, охотясь на зверей. Первая пуля пробила Декстеру сердце и вторая тоже. Третья вошла в череп выше носа.

В стенах маленького кабинета выстрелы прозвучали, как артиллерийская канонада, но их услышали только двое. Жена Декстера, Джеки, находилась в расположенном по другую сторону дома священника и мыла кухню, когда уловила какой-то шум. Позднее она описывала его так: будто где-то приглушенно хлопнули в ладоши, а тогда не сообразила, что это выстрелы. И никак не могла знать, что ее мужа только что убили.

Хоуп Пордью двадцать лет убирался в церкви. Он был в пристройке за алтарем, когда раздались хлопки, которые, казалось, потрясли здание. Хоуп стоял в коридоре рядом с пасторским кабинетом. Неожиданно дверь открылась, и из нее вышел Пит с пистолетом в руке. Он навел оружие на Хоупа. Тот рухнул на колени и взмолился:

– Мистер, Бэннинг, я ничего плохого не сделал. Пожалуйста, мистер Бэннинг, у меня дети.

Пит опустил пистолет:

– Ты хороший человек, Хоуп. Иди, расскажи все шерифу.

## Глава 2

Хоуп стоял в коридоре, глядя, как уходит Пит, спокойно убирая пистолет в карман куртки. Когда он скрылся, Хоуп прошаркал к кабинету – его правая нога была на два дюйма короче левой, – переступил порог и посмотрел на священника. Тот сидел, закрыв глаза, склонив голову набок, по его носу струилась кровь. За головой на спинке стула брызги крови и ошметки мозга. Белая рубашка спереди превратилась в красную. Хоуп стоял несколько секунд или минуту, желая убедиться, что ничто перед ним не движется. И понял, что ничем не может помочь. В комнате витал едкий запах сгоревшего пороха, и Хоупа едва не стошнило.

Поскольку он был негром, то посчитал, что его непременно в чем-нибудь обвинят. Охваченный страхом, боясь пошевелиться, Хоуп, ничего не касаясь, пятился, пока не оказался в коридоре. Закрыв за собой дверь и зарыдал. Преподобный Белл был добрым, обращался с ним уважительно, заботился о его семье. Душевный человек, семейный, симпатичный, его обожали все прихожане. Что бы он ни сделал, чем бы ни обидел мистера Бэннинга, это, конечно, не повод, чтобы лишать его жизни.

Хоупу пришло в голову, что выстрелы мог слышать кто-нибудь еще. А если прибежит жена и увидит мужа залитым кровью в своем кабинете? Хоуп медлил, стараясь успокоиться. Он понимал, что у него не хватит смелости пойти к женщине и сообщить о том, что случилось. Пусть этим занимаются белые. В церкви больше никого не было. Летели минуты, ситуация складывалась в его пользу. Но ненадолго. Если его, Хоупа, заметят выбегающим из церкви, он, без сомнения, станет первым подозреваемым. Поэтому Хоуп вышел из пристройки, стараясь не привлекать внимания, и направился по той же улице, что и мистер Бэннинг. Ускорил шаг, миновал площадь и вскоре увидел тюрьму.

Из патрульной машины вылез помощник шерифа Рой Лестер.

– Привет, Хоуп! – произнес он, а затем заметил красные глаза и слезы на щеках.

– Преподобного Белла застрелили, – пробормотал негр. – Он мертв.

С утирающим слезы Хоупом на переднем сиденье Лестер пронесся по тихим улочкам Клэнтон и через несколько минут, подняв облако пыли, остановился напротив пристройки к церкви. Перед ними распахнулась дверь, и из нее выскочила рыдающая Джеки Белл. Руки бурые от крови, платье испачкано, на лице кровавые полосы. Она рыдала, вопила и не произносила ничего такого, что можно было бы разобрать, только выла с искаженным от ужаса лицом. Лестер попытался задержать ее, но она, не переставая кричать: «Он мертв! Моего мужа убили!», вырвалась. Лестер снова схватил Джеки, стараясь не пустить обратно в кабинет. Хоуп смотрел на них, не зная, что делать. Он все еще боялся, что в убийстве обвинят именно его, и пытался как можно меньше соваться в то, что происходило.

Из дома напротив, услышав шум, выбежала миссис Ванландингэм с кухонным полотенцем в руках. Она появилась одновременно с шерифом Никсом Гридди, который свернул на гравиевую парковку. Увидев, как он выбирается из автомобиля, Джеки закричала:

– Он мертв! Мой муж мертв! Его застрелили! Господи, Никс, помогите!

Никс, Лестер и миссис Ванландингэм перевели несчастную через улицу, на веранду, где она рухнула в кресло-качалку. Миссис Ванландингэм хотела вытереть ей лицо и руки, но Джеки ее оттолкнула. Зарылась лицом в ладони, громко рыдала, давилась, ее чуть не рвало. Никс повернулся к Лестеру:

– Оставайся с ней. – А сам пересек дорогу, где его ждал помощник Рэд Арнет, и они вместе вошли в здание. Медленно прокрались в кабинет, где обнаружили труп Белла на полу возле стула. Никс осторожно взял убитого за правое запястье и через несколько секунд произнес:

– Пульса нет.

– Неудивительно, – кивнул Арнет. – Думаю, «скорая помощь» здесь не нужна.

– Да, – согласился шериф. – Свяжись с похоронным бюро.

В кабинет вошел Хоуп.

– Его застрелил мистер Пит Бэннинг, – сообщил он. – Я слышал, как он это сделал. И видел у него пистолет.

Никс, нахмурившись, поднялся.

– Пит Бэннинг?

– Да, сэр. Я стоял в коридоре. Сначала он прицелился в меня, а затем велел пойти и найти вас.

– Что еще он сказал?

– Что я хороший человек. И все. Потом ушел.

Шериф, скрестив на груди руки, взглянул на помощника. Тот в недоумении покачал головой:

– Пит Бэннинг?

Оба посмотрели на Хоупа, словно не поверили ему.

– Он самый. Видел своими глазами, с пистолетом с длинным дулом. Целился вот сюда. – Хоуп показал в середину лба. – Решил, что мне тоже крышка.

Никс сдвинул шляпу на затылок и потер щеки. Опустил голову и заметил, что на полу рядом с трупом расплзается лужица крови, увидел закрытые веки Декстера и в первый, но отнюдь не в последний раз задал себе вопрос: что могло стать причиной этой трагедии?

– Полагаю, преступление раскрыто, – заметил Ред.

– Похоже на то, – ответил Никс. – Только нужно сделать несколько снимков и поискать пули.

– Как быть с его родными? – спросил Ред.

– Я тоже об этом думаю. Надо вернуть миссис Белл в дом и найти женщин, чтобы побыли с ней. Схожу в школу, поговорю с директором. У Белов трое детей. Так?

– Вроде бы.

– Верно, – кивнул Хоуп. – Две дочери и сын.

Никс повернулся к чернокожему:

– Держи язык за зубами, Хоуп. Обмолвишься хоть словом о том, что тут случилось, клянусь, закрою тебя в тюрьму.

– Буду нем, как рыба, мистер шериф.

Они покинули кабинет, затворив за собой дверь, и вышли на улицу. У веранды Ванландингэмов прибавилось соседей, в основном домохозяек. Они стояли на газоне с круглыми от изумления глазами и, не веря тому, что произошло, зажимали ладонями рты.

В округе Форд белых не убивали более десяти лет. В 1936 году из-за клочка никчемной земли схватились друг с другом два владельца. Тот, кто взял верх, заявил в суде, что действовал в порядке самозащиты, и был отпущен на свободу. Двумя годами позднее у поселка Бокс-Хилл линчевали черного парня, надерзившего белой женщине. Хотя на Юге, особенно в пойме Миссисипи, линчевание не считалось ни убийством, ни преступлением. За неправильное слово белой женщине могли покарать смертью.

На тот момент ни Никс Гридли, ни Рэд Арнет, ни Рой Лестер и никто другой в Клэнтоне моложе семидесяти лет не могли припомнить, чтобы убили такого

важного горожанина. И тот факт, что главный подозреваемый был еще более важным человеком, поверг город буквально в ступор. Судьи, адвокаты и секретари забросили дела в суде и, повторяя услышанное, качали головами. Хозяева магазинов на площади, продавцы и покупатели переглядывались, не в силах поверить в случившееся. Учителя в школе прерывали уроки и собирались в коридорах. На тенистых улицах вокруг площади жители стояли около своих почтовых ящиков и размышляли, как по-другому сказать: «Этого не может быть!»

Но это случилось. Толпа заполнила двор Ванландингэмов и смотрела через дорогу на гравиевую парковку, где находились три патрульные машины – весь полицейский парк округа – и фургон похоронного бюро. Джеки Белл препроводили в пристройку, где она осталась со знакомым врачом и несколькими прихожанками. Вскоре на улице появились легковушки и грузовики с любопытными. Автомобили жались друг к другу, водители старались все получше рассмотреть, подъехать как можно ближе к церкви.

Присутствие похоронного фургона завораживало. Люди напирали, и Рой Лестер требовал осадить назад. Задняя дверь дома была приоткрыта, что означало: вскоре труп будут выносить и грузить в катафалк для отправки в похоронное бюро. Как после любой трагедии – убийства или несчастного случая, – любопытным не терпелось взглянуть на тело. Потрясенные, испуганные люди в гробовом молчании подались вперед, сознавая, как им повезло – они присутствуют при выносе трупа убитого преподобного Белла и до конца жизни смогут рассказывать, как его грузили в катафалк.

Шериф Гридли вышел из двери пристройки, взглянул на толпу и снял шляпу. За ним появились носилки, их несли старик Магарджел с сыном. Труп был накрыт черной тканью, из-под нее выделялись черные ботинки Белла. Все машинально сняли шляпы и кепки, женщины склонили головы, но никто не зажмурился. Некоторые тихо всхлипывали. Когда тело погрузили, задняя дверца закрылась, старик Магарджел сел за руль, и автомобиль уехал. Он никогда не мог обойтись без лишнего драматизма, вот и теперь, возникнув из боковой улочки на площади, дважды объехал здание суда, чтобы все полюбовались происходящим.

Через час позвонил шериф Гридли и распорядился отвезти труп к Джексону на вскрытие.

Нинева не могла припомнить, когда в последний раз мистер Пит просил ее посидеть с ним на передней веранде. У нее были более важные занятия. Эймос взбивал в амбаре масло и велел помочь. Потом предстояло заняться консервированием гороха и бобов и кое-что постирать. Но если хозяин просит сесть в кресло-качалку, а все дела отложить, она не может ослушаться. Нинева пила холодный чай, а мистер Пит курил, причем больше обычного. Надо не забыть упомянуть об этом Эймосу, когда будет рассказывать. Хозяин следил за движением на шоссе в четверти мили по дороге к их дому. Там тащились несколько легковушек, грузовики и трейлеры с хлопком на переработку в городе.

Когда машина шерифа повернула к их дому, Пит сказал:

– Вот и он.

– Кто? – удивилась Нинева.

– Шериф Гридли.

– Что ему нужно?

– Едет меня арестовывать, Нинева. За убийство. Я только что застрелил методистского священника Декстера Белла.

– Перестаньте! Что такое вы говорите?

– Ты слышала. – Пит шагнул к ней, наклонился и ткнул в лицо пальцем. – Ты никогда никому не скажешь ни слова, Нинева. Поняла?

Ее глаза стали огромными, с плоски, отвисла челюсть, она не могла вымолвить ни слова. Пит вынул из куртки маленький конверт и вложил ей в ладонь.

– Теперь иди в дом и, как только я уеду, отдай это Флорри.

Он взял Ниневу за руку, помог ей подняться и распахнул верандную дверь. Оказавшись в доме, Нинева болезненно простонала, и это озадачило Пита. Он закрыл дверь и, повернувшись, смотрел, как приближается автомобиль шерифа.

Гридли не спешил. Он припарковался рядом с машиной Пита и в сопровождении Реда и Роя вылез из салона. Сделал несколько шагов и остановился перед ступенями. Взглянул на Пита, который показался ему равнодушным.

– Давай-ка с нами, Пит.

Хозяин дома сделал жест в сторону «форда».

– Пистолет на переднем сиденье.

Никс обратился к Реду:

– Возьми.

Пит медленно спустился и направился к машине шерифа.

Рой открыл заднюю дверцу, и Пит, наклоняясь, услышал, как взвыла на заднем дворе Нинева. Поднял взгляд и увидел, как она ковыляет к амбару с письмом в руке.

– Едем.

Шериф сел за руль. Ряд с оружием в руке устроился рядом. Плечи Пита и Роя на заднем сиденье почти соприкасались. Никто не проронил ни слова, и пока они выезжали с фермы на шоссе, казалось, будто никто не дышал. Потрясенные стражи порядка, как все остальные, не верили в происходящее. Известный пастырь хладнокровно убит любимцем города, легендарным героем войны. Для этого должна быть какая-то очень веская причина, и дело лишь во времени, чтобы правда вышла наружу. Но в данный момент часы будто остановились, и происшедшее представлялось нереальным.

На полпути к городу Никс посмотрел в зеркальце заднего обзора и сказал:

– Пит, я не собираюсь спрашивать, зачем ты это совершил, только хочу подтверждения, что это дело твоих рук.

Фермер тяжело вздохнул, взглянул на хлопковые поля за окном и произнес:

– Мне нечего сказать.

Тюрьму округа Форд построили в прошлом веке, и она едва ли годилась для того, чтобы помещать в нее людей. Изначально возведенная как маленький склад, тюрьма несколько раз перестраивалась, пока ее не приобрело государство и не перегородило надвое кирпичной стеной. В передней части было шесть камер для белых заключенных, в задней втиснули восемь для цветных. Правда, тюрьма редко полностью заполнялась, во всяком случае, с фасада. В пристройке размещался шериф и сотрудники окружного отдела полиции. Находилась тюрьма всего в двух кварталах от площади, и из двери виднелась верхушка здания суда. Во время криминальных процессов, которые происходили нечасто, подсудимых вели один-два помощника шерифа.

У тюрьмы собралась толпа – люди хотели посмотреть на убийцу. В их головах до сих пор не укладывалось, что Пит Бэннинг совершил то, что совершил, и никто не верил, что его поместят в тюрьму. Многие полагали, будто для таких знаменитостей, как Пит Бэннинг, существуют иные правила. Но коль скоро у Никса хватило смелости арестовать его, зеваки хотели увидеть все своими глазами.

– Пошли слухи, – пробормотал шериф, сворачивая на маленькую брусчатую парковку у тюрьмы. – Всем молчок, – проинструктировал он подчиненных, когда открылись четыре дверцы машины.

Гридли взял Бэннинга за плечо и повлек к двери, а Рэд и Рой двинулись следом. Люди молча таращились, пока вперед не выступил репортер местной газеты «Таймс» и не сделал снимок. Вспышка застала врасплох даже Пита. А когда он входил в здание, кто-то крикнул ему в спину:

– Гореть тебе в аду, Бэннинг!

– Правильно! – поддержал другой.

Подозреваемый не вздрогнул и, казалось, не замечал толпы. Еще секунда, он переступил порог и скрылся из виду.

В тесном помещении, где регистрировали и допрашивали подозреваемых и преступников, ждал мистер Джон Уилбэнкс, известный в городе адвокат и давнишний друг семьи Бэннингов.

– Чем обязаны удовольствию вас лицезреть? – спросил шериф, явно не обрадовавшись присутствию адвоката.

– Мистер Бэннинг – мой клиент, и я здесь, чтобы представлять его, – ответил Уилбэнкс. Он шагнул вперед и молча пожал Питу руку.

– Сначала выполним свое дело мы, – заявил Никс. – Потом настанет ваша очередь.

– Я уже связался с судьей Освальдом, – сообщил адвокат, – и мы обсудили условия освобождения под залог.

– Замечательно. Когда он примет с вашей подачи такое решение, не сомневаюсь, что мне позвонят. А до тех пор я буду обращаться с этим человеком как с подозреваемым в убийстве. Так что будьте добры, покиньте помещение.

– Я бы хотел переговорить со своим клиентом.

– Он никуда не денется. Возвращайтесь через час.

– Никаких допросов, вы меня поняли?

– Без комментариев.

Флорри читала записку на передней веранде, а Нинева и Эймос смотрели на нее. Потрясенные тем, что случилось, они тяжело дышали, прибежав из главного дома. Дочитав, Флорри положила бумагу и спросила:

– Пит ушел?

– Его забрал полицейский, – ответила Нинева. – Он знал, что за ним придут.

– Он что-нибудь сказал?

– Сказал, что убил священника. – Нева вытерла щеки.

В записке говорилось, чтобы Флорри позвонила Джоэлу в Вандербилт и Стелле в Холлинз и объяснила, что их отца арестовали за убийство преподобного Декстера Белла. Им не следует ни с кем, особенно с журналистами, это обсуждать, они должны дождаться дальнейших указаний и оставаться в своих учебных заведениях. Отец сожалеет о подобном трагическом повороте событий, однако надеется, что однажды дети его поймут. Пит просил Флорри явиться на следующий день в тюрьму, чтобы встретиться с ним.

Она чувствовала дурноту, но в присутствии прислуги не могла проявить слабость. Сложила записку, положила в карман и отпустила слуг. Испуганные и сбитые с толку еще больше, чем раньше, Нинева и Эймос ушли, пересекли передний двор и оказались на тропинке. Флорри следила за ними. Затем опустилась в кресло-качалку и тяжело вздохнула.

Несколько часов назад за завтраком брата, казалось, что-то мучило, но после войны нормальным он никогда не бывал. Почему Пит не предупредил ее? Как мог совершить нечто настолько порочное? Что станет с ним, с его детьми, с его женой? С ней, его единственной родственницей? И с землей?

Флорри не считала себя истовой методисткой, однако выросла в вере и порой посещала службы. Она научилась сторониться священников, поскольку те погрязли в пороках времени, но преподобный Белл был одним из лучших.

Флорри вспомнила его симпатичную жену и детей и разрыдалась. В дверь проскользнула Мариэтта и встала рядом, пока хозяйка продолжала всхлипывать.

### Глава 3

Город хлынул к методистской церкви. Толпа росла, и дьякон велел Хоупу открыть храм. Потрясенные плакальщики вошли внутрь, заполнили скамьи, шепотом обменивались новостями. Молились, причитали, утирали слезы и, не в

силах поверить в случившееся, качали головами. Преданные прихожане, хорошо знавшие и любившие Декстера, сбивались в группы и искренне оплакивали его гибель. Для других, которые бывали здесь раз в месяц, а не раз в неделю, церковь послужила магнитом для близкого приобщения к трагедии. Явились даже отступники от веры и горевали вместе с остальными. В этот страшный момент каждый ощущал себя методистом и спешил в храм, где долго служил преподобный Белл.

Убийство настоятеля угнетало физически и эмоционально. В то, что преступником был его прихожанин, трудно было поверить. Отец Пита, Джошуа, помогал строить церковь. Его отец всю жизнь служил дьяконом. Большинство из присутствующих сидели на тех самых скамьях, на которых во время войны возносили молитвы за Пита. Они пришли в отчаяние, когда из военного управления поступили сведения, что он, вероятно, погиб. И жгли свечи во славу его второго рождения. Они плакали от умиления, когда за неделю до капитуляции японцев Пит появился с Лизой. Всю войну преподобный Белл каждое воскресенье перечислял имена ушедших из округа Форд на фронт и читал особые молитвы. Первым в списке всегда был Пит Бэннинг, городской герой, человек, которым гордились все, кто тут жил. В общем, трудно было принять факт, что именно он убил их пастыря.

Но по мере того, как новость доходила до сознания, шепот усиливался, и в тысячный раз звучал вопрос: «Почему?» Лишь самые смелые решались предположить, что с этим как-то связана жена Пита.

Больше всего люди хотели протянуть руку ей и детям, коснуться, вместе поплакать, словно это могло облегчить их горе. Но Джеки, по слухам, оставалась с детьми рядом с храмом в своей спальне и ни с кем не виделась. В доме собрались ее друзья, толпа растеклась по крыльцу и по двору, где мрачные мужчины курили и что-то ворчали себе под нос. Когда друзья выходили подышать свежим воздухом, другие занимали их места в доме. Однако были и такие, кто направлялся в соседнюю дверь в храм.

Потрясенные и любопытствующие продолжали прибывать, и улицы вокруг храма были заполнены легковушками и грузовиками. Люди шли небольшими группами, двигались медленно, словно не зная, что им надлежит делать, когда они окажутся на месте, однако не сомневаясь, что они там нужны.

Когда заполнились места на скамьях, Хоуп открыл балкон. Сам он спрятался в тени под звонницей и старался никому не попадаться на глаза. Его напугал шериф Гридли, и он не раскрывал рта. Но не мог не восхищаться тем, как белые умеют держать себя в руках, во всяком случае, большинство из них. Если бы убили любимого черного пастыря, реакция была бы куда более бурной.

Дьякон обратился к мисс Фае Ридл, предположив, что музыка была бы вполне уместной. Она десятки лет играла на органе, но сомневалась, что теперь повод подходящий. Однако вскоре согласилась, и когда зазвучали первые ноты «Старого креста на холме», плач стал громче.

На улице к группе курильщиков подошел мужчина и сообщил:

– Пита Бэннинга забрали в тюрьму. Его пистолет у полицейских.

Его слова выслушали, обсудили и передавали соседям, пока новость не добралась до церкви, где летела от скамьи к скамье.

Пит Бэннинг арестован за убийство священника...

Когда стало ясно, что подозреваемый не собирается ничего объяснять, шериф Гридли вывел его в узкий, окаймленный с обеих сторон железными решетками, плохо освещенный коридор. Три камеры находились справа, три камеры слева, каждая размером с кладовку. Никаких окон. Тюрьма казалась сырой темницей, где люди навсегда терялись, а время текло незаметно. Гридли достал большой ключ, вставил в дверь и, открыв ее, велел подозреваемому зайти внутрь. У стены стояла старая кровать – единственный в камере предмет мебели.

– Боюсь, Пит, что здесь тесновато, – произнес шериф. – Но ничего не поделаешь – тюрьма.

– Видел места и похуже, – отозвался тот и сел на кровать.

– Ванная в конце коридора, – сообщил Гридли. – Понадобится – крикни.

Пит, глядя в пол, молча пожал плечами. Шериф хлопнул дверью и вернулся к себе в кабинет. Заключенный потянулся и развалился на кровати. Он был ростом на два дюйма выше шести футов, а кровать короче. Почувствовав холод, развернул одеяло, но настолько вытертое, что ночью от него не будет никакой пользы. Однако сейчас это его нисколько не тронуло. Плен был для него не новостью – приходилось находиться в таких условиях, что теперь, четыре года спустя, все еще трудно было представить.

Когда через час вернулся Джон Уилбэнкс, они коротко поспорили с шерифом, где адвокату общаться со своим клиентом. Для таких важных встреч специального помещения не было. Адвокаты, как правило, шли в коридор с камерами и разговаривали с клиентами через решетку из металлических прутьев. Порой адвокат выводил клиента в прогулочный двор и давал советы сквозь звенья цепи. Но чаще защитники вообще не являлись в тюрьму. Ждали, когда их вызовут в суд, и разговаривали там.

Однако Джон Уилбэнкс считал себя выше других адвокатов в округе Форд, если не во всем штате, а его новый правонарушитель-клиент был, несомненно, важнее всех заключенных шерифа. Их статус требовал особого места для встречи, и кабинет шерифа прекрасно подходил для этого. Гридди в итоге согласился – мало кто мог переспорить Уилбэнкса, который, кстати, во время выборов всегда поддерживал шерифа – и тот, немного поворчав, посетовав и не забыв об указаниях, пошел за Питом. Привел в наручниках и сказал, что дает полчаса на разговор.

Когда они остались одни, Уилбэнкс сразу приступил к делу:

– Поговорим о преступлении. Если совершил его ты, так и скажи. Если нет, то назови преступника.

– Мне нечего сказать, – ответил Пит, закуривая.

– Скверно.

– Нечего.

– Забавно. Ты собираешься сотрудничать со своим защитником?

Лишь пожатие плечами и шумный выдох. Уилбэнкс профессионально улыбнулся:

– Хорошо. Сценарий таков: через несколько дней тебя поведут в суд предварительно предстать перед судьей Освальдом. Полагаю, ты заявишь, что невиновен, и тебя вернут сюда. Примерно через месяц соберется большая коллегия присяжных и предъявит обвинение в убийстве первой степени. На февраль или на март Освальд назначит заседание суда, к этому времени я буду тоже готов, если ты того пожелаешь.

– Джон, ты всегда был моим адвокатом.

– Отлично. В таком случае ты должен сотрудничать.

– Сотрудничать?

– Да, Пит. То, что случилось, на первый взгляд представляется хладнокровным убийством. Дай мне что-нибудь, с чем можно работать. Не сомневаюсь, у тебя был некий мотив.

– Это дело между мной и Декстером Беллом.

– Нет. Теперь это дело между тобой и штатом Миссисипи, который, как и остальные штаты, очень плохо относится к хладнокровным убийствам.

– Мне нечего сказать.

– Это не защита, Пит.

– Наверное, у меня нет защиты. Во всяком случае, такой, какую могли бы понять люди.

– Людям в коллегии присяжных необходимо что-то понять. Моя первая мысль и единственная на данный момент – ссылка подсудимого на собственную невменяемость.

Пит покачал головой:

– Я такой же вменяемый, как ты.

– Но мне не грозит электрический стул.

Пит выпустил клуб дыма.

– Я так не поступлю.

– Тогда объясни мне мотив, причину. Дай что-нибудь, Пит.

– Мне нечего сказать.

Джоэл Бэннинг спускался по ведущей в Бэнсон-холл лестнице, когда его кто-то окликнул. Очередной студент-первокурсник, о котором он знал, но пока не познакомился, подавая конверт, произнес:

– Декан Малруни ждет тебя в своем кабинете. Это срочно.

– Спасибо, – кивнул Джоэл, принимая конверт и глядя, как уходит студент.

В конверте была записка на университетском бланке. Написанный от руки текст в вежливой форме предлагал немедленно явиться в расположенный в административном Кирланд-холле кабинет декана.

Через пятнадцать минут у Джоэла начинались занятия по литературе, и профессор не любил, когда к нему опаздывали. Если поспешить, он быстро попадет в кабинет декана, выяснит, что от него нужно, а потом остается надеяться, что профессор будет в хорошем настроении. Джоэл бросился через двор к Кирланд-холлу, взлетел по лестнице на третий этаж, где секретарь декана объяснил, что нужно дождаться ровно одиннадцати часов, когда ему из дома позвонит тетя Флоренс Бэннинг. Секретарь утверждала, что она не в курсе, в чем дело – Флорри звонила по незащищенной линии и сказала, что перезвонит из дома знакомой, откуда ее не смогут подслушать.

Ожидая, Джоэл решил, что кто-то умер, и начал вспоминать родственников, которых, а не каких-нибудь других предпочел бы увидеть в траурном списке. Их семья была невелика: родители Пит и Лиза, сестра Стелла и тетя Флорри. Бабушки и дедушки умерли, у Флорри детей не было, и таким образом со стороны Бэннингов у них не было двоюродных братьев и сестер. Родители матери были из Мемфиса, но их разбросала война.

Не обращая внимания на взгляды секретаря, Джоэл вышагивал по кабинету и, в конце концов, решил, что нехорошее случилось с матерью. Ее увезли из дома несколько месяцев назад, на их со Стеллой письма она не отвечала, а отец отказывался объяснять, как идет лечение. Слишком много неизвестного. Может, матери стало лучше? Может, она вернулась домой. Неужели семья снова станет полноценной? У Джоэла и Стеллы было много вопросов, однако отец предпочитал обсуждать другие темы, если вообще соглашался говорить. И тетя Флорри в этом деле была им тоже не помощница.

Она позвонила ровно в одиннадцать. Секретарь подала ему телефон и скрылась за углом, откуда, как предположил Джоэл, все равно все могла слышать. Первые слова показались целой вечностью. Тетя Флорри начала с того, что объяснила: она находится в доме мисс Милдред Хайлендер – женщины, которую Джоэл знал всю жизнь. Флорри пошла туда, чтобы поговорить конфиденциально, что по их сельской телефонной линии общего пользования совершенно невозможно. Какие там конфиденциальные разговоры, если несколько часов назад их отец отправился в методистскую церковь и застрелил преподобного Декстера Белла. Ясное дело, город кипит, и все дела встали. Не задавай вопросов, Джоэл, и ничего не говори, если тебя могут подслушать. Все так ужасно, помоги нам, Господи!

Чувствуя, что слабеет, Джоэл оперся о стол секретаря декана. Закрыв глаза, набрал воздуха в грудь и слушал. Флорри сказала, что недавно общалась со Стеллой в Холлинзе, и та плохо приняла ее сообщение – пришлось вызывать медицинскую сестру и укладывать в кабинете ректора. Тетя добавила, что у нее письменные – никак не меньше – инструкции от брата: он хочет, чтобы дети до дальнейших указаний оставались в своих университетах подальше от дома. А каникулы на День благодарения планировали провести за пределами округа Форд. В случае, если к ним обратятся журналисты, следователи или полицейские, им нужно молчать. Никому ни слова ни об отце, ни о родных. Флорри завершила тем, что любит племянника, что сразу же напишет ему пространное письмо и очень хотела бы находиться рядом с ним в такой ужасный

момент.

Джоэл молча положил трубку и вышел из здания. Он тащился по университетскому двору, пока не заметил частично скрытую кустарником пустую скамью. И, борясь с душившими его слезами, готовился проявить стоицизм, которому учил его отец. Думал: бедная Стелла. Такая несдержанная, пылкая – вся в мать. Джоэл понимал, что теперь творилось в ее душе.

Сбитый с толку, напуганный, взволнованный, он смотрел, как ветер срывает с деревьев и разносит листья. Мучило желание броситься на станцию, сесть в поезд и самому на месте во всем разобраться. Но мысль мелькнула и тут же исчезла: преподобный Белл был талантливым и любимым людьми священником, и горожане наверняка уже прониклись враждебностью к семейству Бэннингов. К тому же отец строго наказал ему и Стелле держаться от всего подальше. И Джоэл в свои двадцать лет не мог припомнить ни единого случая, чтобы он ослушался Пита. Отец был гордым солдатом, не терпел неподчинения, был немногословным и ценил власть.

Такой человек никак не мог совершить убийство.

## Глава 4

Здание суда и магазины на аккуратной площади закрывались по будням в пять часов. Как правило, к этому времени все двери были на замке, свет выключен и место безлюдно. Но в тот день народ, рассчитывая на новые факты и слухи об убийстве, немного задержался. С девяти утра не было других тем для разговоров. Люди поражали друг друга первыми сообщениями и тем, что узнавали позднее. Они стояли в торжественном почтении, когда старик Магарджел вел свой катафалк, и под черной тканью угадывались контуры тела. Некоторые решались войти в методистский храм и, постояв и помолившись, возвращались с захватывающими дух рассказами. Баптисты, пресвитерианцы и пятидесятники оказались в невыгодном положении, поскольку были никак не связаны ни с убийцей, ни с жертвой. Методисты, напротив, стали центром внимания. До этого злополучного дня методистская церковь Клэнтон не помнила такого количества прихожан.

У жителей Клэнтон, во всяком случае, у белых, возникло чувство, будто их предали. Декстера Белла любили и уважали. Пит Бэннинг был почти мифологической фигурой. Убийство одного другим казалось совершенно бессмысленной потерей, коснувшейся почти каждого. Мотив настолько необъяснимый, что он даже не возникал в слухах.

А недостатка в слухах не было. Завтра Бэннинг предстанет перед судом. Он отказывается что-либо объяснить. Собирается сослаться на временное помешательство. Джон Уилбэнкс не проиграл ни одного процесса и этот тоже выиграет. Судья Освальд был близким другом Бэннинга или, может, Декстера Белла. Процесс состоится не здесь, а в Тупело. Он с войны так и не оправился. Джеки Белл держится на успокоительных, дети ходят на головах. Пит выставит землю в качестве залога за освобождение и завтра же будет дома.

Чтобы ни с кем не встретиться, Флорри оставила машину на боковой улице и поспешила в здание. Джон Уилбэнкс работал допоздна и ждал ее в приемной на первом этаже.

В 1946 году в округе Форд числилась дюжина адвокатов и половина из них работали на фирму «Уилбэнкс и Уилбэнкс». Все они были родственниками. Сотню лет семья Уилбэнксов имела влияние в юриспруденции, политике, банковском деле, операциях с недвижимостью и фермерстве. Джон и его брат Рассел изучали юриспруденцию на севере и управляли фирмой, которая, как представлялось, занималась большинством других коммерческих дел в округе. Еще один брат являлся председателем самого большого в округе банка и владел несколькими предприятиями. Двоюродный брат обрабатывал две тысячи акров. Другой двоюродный брат занимался недвижимостью и был представителем от штата с большими амбициями. Ходили слухи, будто в тайный день в начале каждого года семья собиралась, подсчитывала доход и делила нажитое. И, похоже, там было, что делить.

Флорри знала Джона Уилбэнкса со школы, хотя училась на три класса старше него. Его фирма всегда заботилась о юридических делах семьи Бэннингов, но ничего настолько сложного раньше не попадалось. Решались проблемы препровождения Лизы в дом для умалишенных, однако Джон потянул за нужные ниточки, и все получилось. Развод Флорри также состоялся под накинутым Джоном и его братом покровителем, так что в прессу округа почти ничего не просочилось.

Джон поздоровался с Флорри мрачным пожатием плеч, и она последовала за ним наверх в его просторный кабинет – лучший в городе, с балконом, с видом на площадь. Стены украшали большие портреты умерших родственников. Джон кивнул в сторону роскошного кожаного дивана, и Флорри села.

– Я с ним встречался, – начал адвокат, чиркая спичкой и закуривая короткую черную сигару. – Он не слишком многословен. Если точнее, нем, как рыба.

– Господи, Джон, что же это такое? – Глаза Флорри увлажнились.

– Если бы я знал! Ты ничего не заметила, что предвещало бы трагедию?

– Разумеется, нет. Ты же знаешь Пита: он не красноречив. И уж точно не распространяется о личном. Может поговорить о детях, как все фермеры, о погоде, о ценах на зерно и прочем. Но о себе – ни слова. И уж точно не заикнулся бы о таком ужасном, что случилось сегодня.

Джон затянулся сигарой и выпустил в потолок клуб дыма.

– И тебе не известно, что за этим стоит?

Флорри промокнула щеку платком.

– Я слишком ошеломлена, чтобы размышлять о версиях. Мне трудно дышать, не то что ясно думать. Может, что-нибудь придет на ум завтра или послезавтра. А сейчас все, как в тумане.

– А Джоэл и Стелла?

– Я говорила и с тем и с другой. Бедные ребята в своих университетах, радовались студенческой жизни, и вот такая новость: их отец только что убил священника, человека, которого они уважали. И домой они вернуться не могут. Пит в письменной – никак не иначе – форме дал им указание оставаться там, где они есть, пока он не решит по-другому. – Флорри всхлипнула, пока Джон курил, вытерла щеки и прошептала: – Извини.

– Ничего, Флорри. Я бы тоже поплакал, но не могу. Не сдерживайся, это вполне естественно. Сейчас не время храбриться. Дай волю эмоциям. Ужасный день, он нам будет отзываться годами.

– Что нас ждет, Джон?

– Ничего хорошего, это я гарантирую. Сегодня я разговаривал с судьей Освальдом. Он даже не рассматривает возможность освобождения под залог. Исключено, и я его понимаю. Речь идет об убийстве. Я встречался с Питом, но он не хочет мне помогать. С одной стороны, отказывается признать себя виновным, с другой – никак не способствует своей защите. Все, конечно, может измениться, но мы с тобой его знаем: уперся, ничем не сдвинуть.

– Какова будет защита?

– Наши возможности ограничены. Самооборона, непроизвольный импульс, не исключено, алиби. Ничего из этого не подходит, Флорри. – Адвокат опять затянулся и выпустил новое облачко дыма. – И вот еще что: днем я получил информацию и отправился в регистрационную палату. Выяснилось, что неделю назад Пит перевел земельную собственность на Джоэла и Стеллу. Для этого не было веских причин, и он все устроил так, чтобы я об этом не знал – воспользовался услугами юриста из Тупело, который в Клэнтоне почти никого не знает.

– Джон, я ничего не понимаю, объясни!

– Пит уже тогда замышлял убийство и, чтобы исключить претензии семейства Белла на свою землю, перевел ее на детей, сняв с нее свое имя.

– Это поможет?

– Сомневаюсь. Но это забота на будущее. Твоей земли это, разумеется, не коснется. Она как была, так и останется твоя.

– Спасибо, Джон. А что это означает?

– Когда Пит предстанет перед судом – а я не вижу причин, чтобы этого не случилось, – факт передачи земли послужит уликой против него – доказательством умысла. Того, что он планировал преступление заранее. Причем основательно. Пит давно об этом размышлял.

Флорри поднесла платок ко рту, минуты бежали, а она неотрывно смотрела в пол. В кабинете было тихо и спокойно – с улицы снизу не доносилось ни звука. Джон встал, потушил сигару в тяжелой хрустальной пепельнице, шагнул к столу и закурил новую. Подошел к французскому окну и взглянул на здание суда на противоположной стороне. Сгустились сумерки, на лужайку легли тени.

– Как долго Пит находился в больнице, прежде чем вернулся домой? – спросил он, не поворачиваясь.

– Много месяцев. Не знаю. Может, год. Ранения были серьезные, он весил сто тридцать фунтов. Лечение требовало времени.

– Проблемы с сознанием возникали?

– Все как обычно: если и возникали, Пит не рассказывал. Но разве можно не подвинуться головой после того, что выпало пройти ему?

– Диагноз поставили?

– Понятия не имею. После войны он стал другим человеком. Но разве могло быть иначе? Эти ребята были жутко напуганы.

– В чем Пит изменился?

Флорри опустила платок в сумку.

– Лиза говорила, что сначала его мучили кошмары, множество бессонных ночей. Теперь он стал более унылым, склонен подолгу молчать, что его как будто радует. Но с другой стороны, Пит никогда не был особенно разговорчивым. По-моему, вернувшись домой, он испытал счастье – начал поправляться, успокоился, стал набирать вес. Часто улыбался, был доволен, что остался жив и война закончилась. Но это продолжалось недолго. Между ним и Лизой возникла

напряженность. Нинева говорила, что они плохо ладили. Странно: такое впечатление, чем больше он креп, тем слабее становилась Лиза.

– Из-за чего они ссорились?

– Не знаю. Нинева все видела и слышала, поэтому они вели себя осторожно. Она говорила Мариэтте, что ее часто отсылали из дома, чтобы пообщаться без нее. Лиза словно вошла в штопор. Я видела ее незадолго до отъезда из дома. Она произвела на меня гнетущее впечатление: хрупкая, худая, нездоровая. Не секрет, что мы никогда с ней не были близки, и Лиза со мной ничем не делилась. Пит, впрочем, тоже.

Джон пыхнул сигарой и вернулся на место рядом с Флорри. Улыбнулся, как улыбаются старому другу, и произнес:

– Единственная связь между преподобным Беллом, твоим братом и этим бессмысленным убийством – Лиза Бэннинг. Согласна?

– Я сейчас не в том положении, чтобы с чем-нибудь соглашаться.

– Флорри, соберись, помоги мне. Я единственный человек, который может спасти жизнь Пита, но сейчас это представляется весьма сомнительным. Как долго Декстер Белл провел с Лизой, когда мы думали, что Пит погиб?

– Господи, Джон, я не знаю. Те первые дни и недели были ужасны. Лиза в растрепанных чувствах, дети травмированы, дом как пчелиный улей, люди приносили то окорок, то свинину и предлагали плечо, на котором поплакать, и при этом задавали множество вопросов. Декстер с женой тоже находились рядом. Они были близки Питу и Лизе.

– Не помнишь чего-нибудь необычного?

– Необычного? Намекаешь, что между Лизой и Декстером Беллом что-то было? Это ужасно, Джон!

– Ужасно то, что произошло убийство, и я отвечаю за защиту обвиняемого, если его возможно защищать. Существует же какая-то причина, по которой Пит

застрелил Белла. Если он не хочет объяснить, мне нужно узнать мотив.

Флорри вскинула руки.

– С меня довольно! Я вся изнервничалась. Может, в другой раз? – Она встала и направилась к выходу, и адвокат быстро открыл перед ней дверь. Поддержал, когда Флорра спускалась по лестнице. Внизу они обнялись и договорились вскоре снова встретиться.

Его первой едой в камере была миска бобового супа с ломтем заплесневелого кукурузного хлеба. Сев на край койки и приняв миску, Пит подумал: неужели так трудно сохранить пищу для заключенных теплой, но, конечно, никому об этом не сказал. Он не жаловался: жизнь преподала ему жестокий урок – от жалоб все становится только хуже.

По другую сторону темного коридора освещенный тусклым светом висевшей на проводе голой лампы ел другой заключенный. Его звали Леоном Колливером, он был из семьи, известной производством кукурузного самогона, бутылку которого он прятал сейчас под койкой. Дважды Леон предлагал выпить Питу, но тот отказывался. Колливер сообщил, что его намерены перевезти в тюрьму штата в Парчмене, где он проведет несколько лет. Это будет его второй срок в Парчмене, и он с нетерпением ждал, когда там окажется. Везде лучше, чем в здешнем застенке. В Парчмене бо`льшую часть срока заключенные проводили на улице.

Колливеру хотелось поболтать, и его разбирало любопытство, почему в тюрьму попал Пит. Но слухи проникли и сюда, и к концу дня все четверо белых заключенных знали, что Пит убил методистского священника. Времени на разговоры у Колливера было хоть отбавляй, и он жаждал деталей, но ничего не получил. Колливер же не знал, что в Пита Бэннинга стреляли, его били, мучили, он голодал, его опутывали колючей проволокой, бросали в корабельные трюмы, запирали в товарных вагонах, помещали в лагеря для военнопленных, и эти уроки выживания привили ему привычку не открываться первому встречному. И Колливер ничего не выяснил.

После обеда в тюремном блоке появился Никс Гридли и остановился перед камерой Пита. Заключенный встал и сделал три шага к решетке. Гридли тихо

произнес:

– Вот что, Пит, нас одолевают навязчивые репортеры, вьются вокруг тюрьмы, мечтают поговорить с тобой, со мной, с кем угодно, кто готов развязать язык. Я хотел убедиться, что тебе это не надо.

– Мне это не надо, – отозвался Пит.

– Понаехали отовсюду – из Тупело, Джексона, Мемфиса.

– Мне это не надо.

– Так я и думал. Как тебе здесь?

– Нормально. Бывало хуже.

– Знаю. К твоему сведению: сегодня я перекинулся в доме священника словом с Джеки Белл. Она держится. А вот с детьми беда.

Пит взглянул на него без тени сожаления, но подумал, не следует ли сказать что-нибудь пристойное, вроде: «Передай ей от меня привет» или «Извини, мне жаль», однако лишь нахмурился с таким видом, будто шериф был полным идиотом.

Когда стало ясно, что Пит не ответит, Гридли попятился и, уходя, бросил:

– Если что-нибудь понадобится, дай знать!

– Спасибо.

## Глава 5

В четыре часа утра Флорри наконец оставила попытки уснуть и отправилась в кухню сварить кофе. Жившая в цокольном этаже Мариэтта услышала шум и

вскоре появилась в ночной рубашке. Флорри сказала, что ей ничего не нужно, что Мариэтта может спать, и отослала служанку обратно. После двух чашек с сахаром и очередного приступа слез Флорри прикусила губу и решила, что этот кошмар способен воодушевить к творчеству. Час она билась над стихотворением, но на рассвете бросила. Перешла к документальной прозе и начала в реальном времени посвященный трагедии дневник. Приняла ванну, позавтракала и к семи часам утра оказалась в городе в доме Милдред Хайлендер – жившей в одиночестве вдовы, которая, насколько знала Флорри, была единственным в Клэнтоне человеком, кто понимал ее поэзию. За чашкой чая с сырными лепешками они не говорили ни о чем, кроме страшного происшествия.

Милдред, ожидая самого худшего, купила газеты из Тупело и Мемфиса, и они ее не разочаровали. На первой полосе издания Тупело поместили передовицу под заголовком: «Герой войны арестован за убийство». В Мемфисе интересовались явно меньше тем, что случилось в штате Миссисипи, и хотя и напечатали статью на первой странице, но в рубрике местных новостей под заголовком: «В церкви застрелен любимый прихожанами священник». Факты в материалах почти не разнились – ни слова от адвоката подозреваемого и от властей. В городе настоящее потрясение.

Местная газета округа Форд «Таймс» была еженедельной, появлялась на прилавках по средам, на день пропустила волнующее событие, и теперь разразится информацией лишь на следующей неделе. Но ее фотограф заснял Пита Бэннинга, когда тот шел в тюрьму, и этот снимок напечатали газеты Мемфиса и Тупело. Его вели трое не очень молодых полицейских в плохо сидящей форме и шляпах, а у него при этом был совершенно безразличный вид.

Складывалось впечатление, что все население Клэнтонна впало в столбняк, а репортеры вовсю налегали на описание заслуг Пита – героя войны. Используя архивы, обе газеты описали его армейскую службу и подвиги легендарного солдата на Южно-Тихоокеанском фронте. Газеты напечатали маленькие снимки возвращения Пита с войны, а редакторы Тупело даже отыскиали фото Пита и Лизы во время брачной церемонии на лужайке перед судом.

Живший напротив Милдред Вик Диксон был из тех немногих в Клэнтоне, кто выписывал утреннюю газету Джексона, крупнейшую в штате, однако уделявшую мало внимания новостям северных округов. Прочитав ее за кофе, он принес газету соседке. И пока оставался у нее, выразил соболезнования Флорри и

сказал все такое, что можно сказать женщине, брата которой обвиняют в убийстве. А убийство он, похоже, действительно совершил. Милдред потихоньку вытолкала гостя за дверь, предварительно взяв обещание, что Вик будет сохранять для нее все ежедневные издания.

Флорри хотела получить как можно больше информации для своей папки с материалами, или альбома с газетными вырезками, или документального отчета о случившейся трагедии. Для чего – она толком не понимала, но долгая, печальная и в то же время невероятная история продолжала разворачиваться, и Флорри не собиралась ничего упускать. Когда Джоэл и Стелла наконец вернутся домой, она должна будет ответить на их вопросы.

Флорри все же огорчило, что газета Джексона, который расположен от Клэнтоня дальше, чем Тупело и Мемфис, приводит меньше фактов и помещает меньше фотографий. Неуклюжий заголовок гласил: «В Клэнтоне арестован известный фермер». Но она, тем не менее, вырезала подписной купон, собираясь отправить его в редакцию вместе с чеком.

По личной телефонной линии Милдред Флорри позвонила Джоэлу и Стелле и попыталась убедить, что дела дома не настолько катастрофичны, как они могли подумать. Позорно провалилась, и, когда вешала трубку, племянник и племянница разразились слезами. Их отца бросили в тюрьму и обвиняют в жестоком убийстве. Они хотели вернуться домой.

В девять часов Флорри на своем «линкольне» 1939 года поехала в тюрьму. На счетчике пробега машины значилось меньше двадцати тысяч миль, и автомобиль редко покидал границы округа, главным образом потому, что у его владелицы не было прав. Флорри дважды провалила экзамен, ее несколько раз останавливала полиция, но не штрафовала, и она продолжала садиться за руль, заключив с Никсом Гридли устное соглашение, что будет ездить только в город и обратно и никогда по ночам.

Флорри вошла в кабинет шерифа, поздоровалась с Никсом и объявила, что хочет повидать брата. В тяжелую соломенную корзину она положила три романа Уильяма Фолкнера, три фунта заказанного по почте в Балтиморе кофе, кофейную кружку, десять пачек сигарет, спички, зубную щетку и пасту, две пачки мыла, два пузырька с аспирином и два с болеутоляющими и плитку шоколада. Все, что хотел брат.

После недолгого неловкого разговора Никс наконец поинтересовался, что у нее в корзине. Не показывая, Флорри объяснила: то, что попросил Пит – несколько совершенно невинных предметов.

Оба полицейских отметили: нужно сообщить прокурору, что заключенный хорошо подготовился к преступлению и заранее составил список того, что должна принести ему в камеру сестра. Явная улика, что он планировал убийство. Флорри честно выполнила поручение, но, вероятно, совершила роковую ошибку.

– Когда он просил принести эти вещи? – спросил Никс таким безразличным тоном, будто его слова ничего не значили.

– Он оставил записку Нине и велел передать мне после того, как его арестуют, – с готовностью ответила Флорри.

– Ясно, – кивнул Никс. – Скажите, Флорри, что вам было известно о планах брата?

– Ничего. Клянусь, совершенно ничего. Я потрясена не меньше вашего. Даже больше, поскольку Пит мой брат, и я не представляла, что он способен на подобное.

Никс с сомнением посмотрел на Реда. Флорри ничего не знала заранее? Она не представляет мотива убийства? Она откровенна? Обмен взглядами полицейских озадачил Флорри, и она поняла, что ей не надо с ними говорить.

– Могу я видеть брата? – почти потребовала она.

– Разумеется. – Никс снова посмотрел на Реда. – Приведи заключенного. – И когда тот вышел, принялся изучать содержимое корзины. Это вывело Флорри из себя.

– Что вы ищете? – воскликнула она. – Ножи? Пистолеты?

– Что он намерен делать с кофе? – задал вопрос полицейский.

– Пить.

– Мы даем ему кофе.

– Не сомневаюсь. Но по поводу кофе брат весьма привередлив. На войне мог пить что угодно. А теперь только один сорт – «Стандард» из Нового Орлеана. Хоть это вы можете для него сделать?

– Если мы станем давать ему «Стандард», то должны давать тот же сорт остальным заключенным. Хотя бы белым. В тюрьме не может быть никаких привилегий. Поймите, Флорри, люди и так подозревают, что к Питу особое отношение.

– Договорились. Буду приносить вам столько «Стандарта», сколько потребуется.

Никс взял в руки кофейную кружку. Керамическую, уже отнюдь не белую, с бурыми пятнами, явно бывшую в употреблении. Прежде чем Никс успел что-либо сказать, Флорри объяснила:

– Любимая Пита. Ему дали ее в военном госпитале, когда он выздоравливал после хирургической операции. Уверена, Никс, вы не откажете герою войны в маленьком удовольствии пить кофе из своей любимой кружки.

– Не откажу. – Он начал складывать вещи обратно в корзину.

– Не забывайте Никс, мой брат не обычный заключенный. Вы заперли его бог знает с кем. Наверное, с ворами и бутлегерами. Но вы должны помнить, что он ни кто-нибудь, а Пит Бэннинг.

– Его заперли потому, что он застрелил методистского священника, Флорри. И из всех, кто здесь находится, Пит единственный, кого обвиняют в убийстве. Никакого особого отношения он не получит.

Открылась дверь, и вошел Пит, за которым следовал Ред. Он с каменным лицом посмотрел на сестру и, выпрямившись посреди комнаты, повернулся к Никсу.

– Полагаю, хочешь снова воспользоваться моим кабинетом? – спросил тот.

– Спасибо, Никс, это очень любезно с твоей стороны.

Полицейский, что-то проворчав, встал, взял шляпу и вместе с Редом ушел. Его пистолет в кобуре висел на вешалке на самом виду. Пит подвинул стул, сел и посмотрел на сестру.

– Ты идиот! – воскликнула она. – Как можно быть таким глупым, эгоистичным, недалёковидным, безмозглым? Устроить такое своим родным? Речь не обо мне! Не о ферме и о тех, кто от тебя зависит! Не о друзьях! О детях! Они в отчаянии, безмерно напуганы. Как ты мог так поступить?

– У меня не было выбора.

– Вот как? Объяснись!

– Я ничего не собираюсь объяснять. И говори тише – не воображай, что нас не подслушивают.

– Мне безразлично, подслушивают нас или нет.

Пит указал на сестру пальцем, его глаза блеснули.

– Успокойся. Я не желаю терпеть твои сцены и слушать брань. Я сделал то, что хотел, по определенной причине и надеюсь, настанет время, когда ты меня поймешь. А пока ничего не собираюсь объяснять. И, поскольку ты ничего не понимаешь, следи за речью.

Глаза Флорри сразу увлажнились, и задрожали губы. Она опустила голову и пробормотала:

– Ты даже не хочешь поговорить со мной.

– Ни с кем не хочу, и даже с тобой.

Флорри вспоминала: когда они мирно завтракали в среду и ничто не предвещало трагедии, брат был таким же отчужденным, как теперь, холодным, будто не от мира сего.

– Зачем ты так поступил?

– Мне нечего тебе ответить.

– Что ужасного сделал Декстер Белл, что заслужил смерть?

– Мне нечего сказать.

– Это связано с Лизой?

Пит секунду колебался, и Флорри поняла, что задела его за живое.

– Мне нечего сказать, – повторил он, доставая из пачки сигарету, зачем-то постучал по циферблату наручных часов и прикурил от спички.

– Ты ощущаешь угрызения совести и жалость к его родным?

– Я стараюсь об этом не думать. Да, мне жаль, что так случилось, но я ничего подобного не хотел. Им, как нам всем, придется научиться жить с тем, что есть.

– И только? Дело сделано, человек мертв. Жизнь продолжается. Хотела бы я послушать, как ты станешь излагать эту свою теорию его чудесным детишкам.

– Я тебя не держу.

Флорри не двинулась с места, лишь промокнула щеки платком. Пит выдохнул сигаретный дым, и тот растекся туманом по комнате. Вдали слышались голоса. Занимаясь своими делами, смеялись шериф и его помощники.

– Какие тут условия? – поинтересовалась Флорри.

– Тюрьма есть тюрьма. Я видел места и похуже.

– Кормят нормально?

– Пища съедобная. Я ел и не такое.

– Джоэл и Стелла просятся домой, хотят тебя повидать. Они в ужасе, Пит, чрезвычайно напуганы, не знают, что подумать, и это вполне объяснимо.

– Я ясно дал понять, они не должны возвращаться домой, пока я не скажу, и точка. Напомни им об этом. Я знаю, как лучше.

– Сомневаюсь. Лучше, когда отец находится дома, занимается делами, объединяя вокруг себя родных, а не сидит в тюрьме по обвинению в бессмысленном убийстве.

Пит пропустил ее слова мимо ушей.

– Я о них тревожусь, но они сильные, умные и все выдержат.

– Не уверена. Тебе легко рассуждать: мол, дети такие же стойкие, как ты сам, которому через столько пришлось пройти. Но это, вероятно, не так. Нельзя предполагать, что это их никак не травмирует.

– Не надо читать мне нотаций. Я рад твоему приходу. Пожалуйста, приходи, но не для того, чтобы потчевать меня нравоучениями. Посмотрим правде в глаза: мои дни сочтены. Не нужно их еще больше отравлять.

## Глава 6

Достопочтенный Рейф Освальд вот уже семнадцать лет был окружным судьей округов Форд, Тайлер, Милберн, Полк и Ван-Бурен. Поскольку он жил в Смитфилде, городке соседнего избирательного округа Полк, то лично не знал ни убитого, ни подозреваемого, но, как все, был заинтригован событием и хотел вести процесс. В течение своей ничем не примечательной карьеры ему пришлось рассматривать дюжину рутинных убийств – совершенных во время пьяных ссор, поножовщины в черных дешевых барах, во время домашних конфликтов – преступления в приступе гнева или страсти, за которыми следовал короткий процесс и назначение долгого тюремного заключения. Ни в одном из дел не фигурировал столь известный человек.

Судья Освальд прочитал газетные публикации, оценил кое-что из слухов. Дважды говорил по телефону с адвокатом Джоном Уилбэнксом, которого очень ценил. Также созвонился с окружным прокурором Майлзом Труиттом, к которому относился намного прохладнее. Утром в пятницу в его дверь за залом суда постучал судебный пристав и сообщил, что на улице собралась толпа.

Так и было. На пятницу выпал плановый день рассмотрения дел по правонарушениям и гражданским искам. Никаких уголовных процессов в округе Форд, и такой распорядок пятницы обычно не привлекал зрителей. Теперь же число пришедших не ограничивалось строгаяющими веточки и жующими табак на лужайке под старыми дубами обычными зеваками, ждущими, чтобы что-нибудь случилось в здании.

Округ Форд сгорал от любопытства, и в здание суда хлынули десятки желающих увидеть Пита Бэннинга людей. Присутствовали репортеры нескольких газет, один даже из далекой Атланты. Много последователей методистской церкви. Противники Бэннинга собирались группой за столом прокурора. По сторонам прохода стояли друзья Пита и Декстера Белла. И тут же горожане, которым ради такого случая удалось улизнуть с работы. На балконе, подчиняясь налагаемым ограничениям цвета кожи, сидели несколько негров. Они тоже желали посмотреть на обвиняемого.

Родственников Белла и Пита не было. Родные Белла предавались горю и готовились к завтрашним похоронам. Бэннинги держались от здания суда как можно дальше.

Городским адвокатам, поскольку те числились судебными исполнителями, разрешалось зайти за барьер и находиться вокруг судейского места. Явились все двенадцать, и все в лучших темных костюмах изображали перед публикой собственную значимость. Секретари, обычно вялые, только что не в летаргическом сне, истово занимались своей бессмысленной бумажной возней.

У Никса Гридли было два полноценных – Рой Лестер и Рэд Арнетт – и три работающих не полный день заместителей. И еще два добровольных помощника. В этот день, демонстрируя мускулы закона, в накрахмаленной и даже неплохо подогнанной форме присутствовала вся команда.

Сам Никс, казалось, успевал повсюду: смеялся с адвокатами, заигрывал с секретаршами, общался с публикой. Через год намечались перевыборы, и он не хотел упустить возможности продемонстрировать свою значимость перед таким количеством голосующих.

Шоу продолжалось, толпа росла, часы тикали, и время перевалило за девять. Наконец из-за судейского места в ниспадающей черной мантии появился Освальд и занял свой трон. Делая вид, будто не замечает зрителей, он посмотрел на Никса Гридли:

– Господин шериф, приведите заключенных.

Никс был уже у двери рядом с местом судьи. Сразу ее открыл, мгновение отсутствовал, затем появился вместе с Питом Бэннингом в наручниках и мешковатом сером хитоне с надписью «Тюрьма» поперек груди. За Питом вели Чака Марли, которого обвиняли в краже автомобиля и арестовали за несколько дней до того, как Бэннинг застрелил священника. В обычных обстоятельствах Чака притащили бы из каталажки, он предстал бы перед судьей и назначенным адвокатом, и об этом событии не узнала бы ни одна живая душа. Вмешалась судьба, и теперь о том, что ему вменялось, услышат многие.

Пит шел, как на параде, выпрямившись, расправив плечи. Никс подвел его к стулу перед пустой скамьей присяжных, Марли сел рядом. Наручники с них не сняли. Адвокаты заняли места, наступила тишина: судья внимательно изучал несколько страниц. Наконец он провозгласил:

– Слушается дело «Штат против Чака Марли».

Адвокат Нэнс, вскочил и присоединился к находившемуся перед скамьей присяжных клиенту. Марли шагнул вперед и посмотрел на судью.

– Вы Чак Марли? – спросил тот.

– Да, сэр.

– А мистер Нэнс – ваш адвокат?

– Полагаю, что так. Его наняла моя мама.

– Вы желаете, чтобы он был вашим защитником?

– Наверное. Я ни в чем не виноват. Это недоразумение.

Нэнс, заставляя его замолчать, стиснул ему плечо.

– Вас арестовали в прошлый понедельник и обвинили в краже принадлежащего мистеру Эрлу Колдуэллу «бюика» 1938 года, который вы увели с подъездной дорожки к его дому в Каррауэе. Вы признаете себя виновным?

– Нет, сэр, – ответил Мэнли. – Я все могу объяснить.

– Не сегодня, сынок, возможно, позднее. Ваш залог составляет сто долларов. Вы способны заплатить?

– Сомневаюсь.

Поспешил вмешаться пожелавший высказаться перед таким скоплением людей Нэнс:

– Ваша честь, полагаю, что этого молодого человека можно отпустить под его обязательство явиться в суд по первому вызову. У него нет судимостей, он работает и придет, когда потребуются.

– Это правда, сынок, у вас есть работа?

– Да, сэр. Мистер Летервуд нанял меня водить грузовик.

– Этот человек присутствует в зале суда?

– Сомневаюсь. Он очень занят.

– Ваша честь, – вскочил Нэнс, – я общался с мистером Летервудом. Он готов подписать поручительство, что мой клиент явится в суд, как только ему укажут.

Если вам угодно с ним переговорить, я могу это организовать.

– Очень хорошо. Препроводите подсудимого обратно в тюрьму, а я сегодня позвоню его работодателю.

Марли вывели из зала суда меньше чем через пять минут после того, как он там оказался. Судья несколько раз поставил свою подпись и, пока публика ждала, изучал бумаги. Наконец он произнес:

– По делу «Штат против Пита Бэннинга».

Джон Уилбэнкс встал и подошел к судейскому месту. Поднялся и Пит, шагнув к своему адвокату.

– Вы Пит Бэннинг? – спросил судья Освальд.

– Да, – кивнул обвиняемый.

– Вас представляет уважаемый Джон Уилбэнкс?

Пит снова кивнул.

– Вас арестовали и обвиняют в убийстве первой степени преподобного Декстера Белла? Вам понятен мой вопрос?

– Да.

– Ваше отношение к обвинению?

– Невиновен.

– Суд принимает к сведению и переходит к обсуждению дела. Хотите что-нибудь добавить, мистер Уилбэнкс?

– Да, ваша честь, – ответил адвокат. – Прошу рассмотреть назначение моему клиенту разумного залога. Понимаю серьезность обвинения и нисколько его не

преуменьшаю. Но залог в данном случае допустим. Залог – не что иное, как гарантия, что подсудимый не скроется, а явится в суд, когда потребуется. Мистер Бэннинг владеет 640 акрами необремененной земли, за участком никаких долгов, и мой клиент готов выставить землю в качестве гарантии своего залога. Соседний участок принадлежит его сестре, и она выразила желание поступить так же. Могу добавить, ваша честь, что семья Бэннингов владеет этой землей свыше ста лет, и ни мой клиент, ни его сестра не совершают ничего такого, чтобы подвергнуть ее опасности.

– Мистер Уилбэнкс, мы имеем дело с убийством первой степени, – напомнил судья.

– Я понимаю, ваша честь, – продолжил Уилбэнкс. – Но пока вина моего клиента не доказана, он считается невиновным. Какая польза штату или кому-либо еще оттого, что он будет находиться в тюрьме, если он способен представить надежный залог и оставаться на свободе? Он не собирается бежать.

– Мне не приходилось слышать, чтобы выпускали под залог обвиняемого в столь серьезном преступлении.

– Мне тоже. Однако свод законов штата Миссисипи этого не запрещает. Если суду угодно, с готовностью представлю резюме по этому поводу.

Во время обмена этими репликами Пит стоял навтыжку, словно часовой. Смотрел прямо перед собой, будто ничего не слышал, но все впитывал. Судья Освальд немного подумал.

– Хорошо. Я прочитаю ваше резюме, но оно должно быть весьма убедительным, чтобы я изменил свое мнение. А пока подозреваемый останется в заключении в помещении шерифа.

Никс осторожно взял Пита за плечо и в сопровождении Джона Уилбэнкса вывел из зала суда. На улице около автомобиля шерифа дежурили два фотографа и, когда подозреваемый появился в дверях, быстро сделали одинаковые кадры. Репортер выкрикнул в сторону Пита вопрос, но тот, ныряя на заднее сиденье, не обратил на него внимания. Не прошло нескольких минут, как он снова оказался в камере и уже без наручников и обуви читал «Ступай, Моисей» и курил.

Похороны Декстера Белла превратились в грандиозное событие. Они начались в четверг, на следующий день после убийства, когда в шесть часов вечера старик Магарджел открыл двери своего похоронного бюро и к нему придвинулась толпа. За полчаса до этого Джеки Белл и ее троих детей допустили к телу. По принятой в это время и в этой части света традиции гроб стоял открытым. Декстер лежал на блестящей ткани, его черный костюм был виден до пояса. Джеки сразу лишилась чувств, дети разревелись и упали рядом с матерью. В помещении находились лишь мистер Магарджел с сыном. Они пытались помочь, но у них ничего не получилось.

Держать гроб открытым не было необходимости – этого не требовал ни закон, ни Священное Писание. Так поступали, чтобы обострить драму и сделать как можно напряженнее. Считалось: чем больше эмоций, тем больше любви к покойному. Джеки присутствовала на десятках похорон, куда в качестве священника приглашали ее мужа, и гроб всегда был открытым.

У Магарджелов не было опыта обращения с убитыми выстрелом в лицо. Большинство их клиентов умирали от старости, и подготовить их хрупкие тела к церемонии не составляло труда. С преподобным Беллом все обстояло иначе, и им пришлось приглашать на помощь опытного коллегу из Мемфиса. В месте выхода пули на затылке вырвало большой кусок черепа. Но не это было главным. Никто не станет переворачивать покойного и рассматривать эту часть тела. Входное отверстие располагалось над переносицей, и здесь образовалась дыра, которая требовала тщательных многочасовых действий – заклеивания, замазывания, подкрашивания. Конечный результат получился весьма приличным, однако далеким от совершенства. Белл будто хмурился, словно понимая, что ему суждено вечно со страхом смотреть в дуло пистолета.

Через полчаса личного бдения – скорбного времени, когда даже выдавших виды Магарджелов потянуло на слезы – Джеки с детьми устроили на стульях у гроба, открыли двери, и в помещение хлынула толпа. За этим последовали три часа моральной пытки, горя и страданий.

Потом после небольшого перерыва Декстера привезли в его церковь и положили около кафедры. С Джеки было довольно, и она попросила, чтобы гроб закрыли. Старик Магарджел поморщился, но подчинился, ничего не сказав. Ему не понравилось, что не придется наблюдать, как присутствующие слабеют от горя. Еще три часа Джеки с детьми отважно стояли у гроба и раскланивались с

людьми, с которыми успели повидаться накануне вечером. Пришли сотни, включая всех способных ходить методистов в округе и представителей других церквей, друзей семьи с детьми, слишком маленькими, чтобы находиться на похоронах, но которых привели из уважения к Беллам. Выражали соболезнование и те, кто не хотел упускать возможности засветиться в этой истории. На скамьях терпеливо ждали, когда настанет их очередь пройти мимо гроба и сказать банальные слова родным усопшего, а пока молились и тихо перешептывались, обмениваясь последними новостями. Храм страдал от гнета невосполнимой потери, и это чувство усиливала музыка органа. Отрешенная мисс Эмма Фая Ридл играла одну траурную мелодию за другой. Хоуп, наблюдая с балкона, в который раз удивлялся поведению белых.

В субботу, после двух дней подготовки, изнывающие от усталости люди собрались в последний раз, чтобы приступить к похоронам. Службу вел священник, друг Декстера. Она завершилась хоровым исполнением гимнов, двумя сольными, долгими проповедями, новыми траурными органными мелодиями от мисс Эммы, обильными слезами и – да, так и было – открытой крышкой гроба. Как ни пытался священник найти смысл в смерти, ему этого не удалось. Он постоянно ссыался на то, что «пути Господни неисповедимы», но безуспешно. Наконец сдался, и хор поднялся.

После двух изматывающих часов добавить было нечего, тело Декстера погрузили на катафалк и повезли через город на общественное кладбище, где святой отец упокоился среди моря цветов. Священник замолчал, а Джеки с детьми сидели под навесом на складных стульях и смотрели на гроб и кучу грязи рядом с ним.

Не пропускавшая ни одной церемонии методистка Глория Грандж после погребения заехала на чай к Милдред Хайлендер. Та была пресвитерианкой и не знала Декстера Белла, поэтому не присутствовала на бдениях и погребении. Но хотела знать детали, и Глория удовлетворила ее любопытство.

Позднее, к Милдред заскочила выпить чаю Флорри. Ее также интересовали подробности того, какое горе принес людям поступок ее брата. И Милдред не отказала ей в этом желании.

Впервые в своей короткой жизни Джоэл Бэннинг не подчинился отцу. В субботу утром он сел в поезд в Нэшвилле, и четыре часа в дороге до Мемфиса дали ему время поразмышлять об акте своего неповиновения, после чего Джоэл сделал вывод, что оно оправдано. Он даже мог назвать причины: нужно проверить, как там Флорри, как перенесла событие, встретиться со мистером Бафордом, выяснить, что с урожаем, повидаться с Джоном Уилбэнксом, обсудить защиту отца, хотя, наверное, этого делать не следует. Маленькая семья рассыпалась на части, кому-то надо выступить вперед и попытаться спасти ее. Кроме того, отец находился в тюрьме, и если приезд и отъезд Джоэла пойдут по плану, Пит не узнает о его кратком визите, и акт непослушания останется незамеченным.

Поезд из Мемфиса в Клэнтон останавливался шесть раз, и на платформу Джоэл, надвинув шляпу на глаза, ступил уже затемно. Из вагонов вышли всего несколько человек, и его не узнали. Оба городских такси ждали у вокзала, их водители, привалившись к крылу, жевали табак и курили самокрутки.

– Телефонная будка по-прежнему у аптеки? – спросил одного из них Джоэл.

– Да.

– Отвезешь меня к ней?

– Залезай.

По площади бродили поздние субботние покупатели. Даже в сезон страды фермеры и их работники после обеда отмывались и устремлялись в город. Магазины заполнялись людьми, на улицах было не протолкнуться. «Атриум» показывал «Голубые небеса» с Бингом Кросби, и очередь за билетами тянулась за угол. На лужайке перед судом глаз радовала голубоватая «июньская трава». Джоэл не хотел встречаться с людьми и попросил таксиста остановиться на боковой улочке. Телефонная будка перед аптекой Гейнрайта была занята. Джоэл встал рядом и, старясь не встречаться глазами с прохожими, нетерпеливо ждал, когда дама закончит разговор. Наконец, войдя, бросил в автомат монетку и набрал номер телефона тети Флорри.

– Что? Кто это?

– Твой любимый племянник. Пока еще.

Джоэл был единственным племянником и не сомневался, что смысл сообщения понят. Появиться без предупреждения было бы для Флорри слишком большим потрясением. К тому же он проголодался, и его звонок даст ей время накрыть на стол. Вернувшись в такси, Джоэл попросил водителя подвезти его к методистской церкви. Покинув шумную площадь, они миновали игровой зал Кэла – в задних помещениях бильярдной подавали бутлегерское пиво, и Пит наказал своему сыну-подростку туда не соваться. Буйное место, по выходным там собирались крутые парни и нередко затевали драки. Запрещенный плод манит, и Джоэла, когда он учился в школе, тянуло туда заглянуть. Сверстники хвастались, что заходили к Кэлу, и даже что-то говорили о девушках наверху. Но после трех лет в колледже и жизни в большом городе Джоэл морщился при мысли, что его тянуло в такое низкопробное заведение. Он познакомился с барами Нэшвилла и удовольствиями, которые они предлагали. И не мог представить возвращения к жизни в Клэнтоне – городе, где пиво и спиртное, как многое другое, под запретом.

Фары выхватили методистскую церковь, и водитель, проезжая ее спросил:

– Ты здешний?

– Нет.

– Тогда, наверное, не слышал главной новости недели? О священнике?

– Читал. Странная история.

– Убит прямо здесь. – Таксист показал на пристройку к храму. – Сегодня похоронили. Убийцу посадили в тюрьму, но он молчит.

Джоэл не хотел продолжать разговор, которого не начинал. Взглянул на церковь и с теплотой вспомнил воскресные утра, когда они со Стеллой, одетые в лучшее – галстучки и чепчики – приходили сюда, держа за руки родителей. Мальчиком он понимал, что костюмы отца и материнские наряды богаче, чем у обычных методистов, их машины и грузовики новее, и у них планы окончить колледж, а не только школу. Ребенком он понимал очень многое, но поскольку был Бэннингом, впитал науку смирения и способность говорить как можно меньше.

Джоэла крестили в этой церкви в десять лет. Стеллу – в девять. Семья аккуратно посещала еженедельные службы, праздники весеннего и осеннего духовного возрождения, пикники, трапезы, похороны, венчания и бесконечные общественные мероприятия, поскольку для них, как и для многих других в городе, церковь была средоточием социальной жизни. Джоэл помнил всех пасторов. Пастор Уордол хоронил его деда Джейкоба Бэннинга. Пастор Рон Купер крестил его, а с сыном Купера они были лучшими друзьями в четвертом классе. И так далее. Пасторы приходили и уходили, пока перед войной не появился Декстер Белл.

Он оставался на посту явно слишком долго.

– Поезжайте к Восемнадцатому шоссе, – попросил Джоэл. – Я скажу, где остановиться.

– Так где же? – спросил водитель. – Всегда лучше знать, куда еду.

– У дома Бэннингов.

– Так ты из Бэннингов?

Нет ничего хуже разговорчивого таксиста. Джоэл промолчал и посмотрел в заднее стекло на исчезающую за углом церковь. Ему нравился Декстер Белл, хотя подростком он начал задаваться вопросами по поводу его жестких проповедей. Именно пастор Белл сидел рядом с ними в тот страшный вечер, когда они получили сведения, что лейтенант Бэннинг пропал без вести и считается погибшим на Филиппинах. В тот ужасный период он руководил траурной жизнью – направлял церковных женщин и бесконечный поток еды, организовывал молитвенные бдения, выгонял из дома посторонних, если требовалось уединение, и давал советы. Джоэл и Стелла даже стали шепотом ворчать, настолько Белл им надоел. Они хотели одного: быть наедине с мамой, но преподобный всегда находился с ними. Порой приводил свою жену Джеки. Когда Джоэл подрос, он решил, что Джеки Белл холодна и равнодушна. И Стелла тоже ее недолюбливала.

Джоэл закрыл глаза и вздохнул. Неужели это правда: его отец убил Декстера Белла и теперь в тюрьме?

Город остался позади, начинались хлопковые поля, и при свете луны было четко видно, с какого уже собран урожай. Хотя Джоэл не собирался вслед за предками становиться фермером, он ежедневно просматривал в нэшвиллской газете котировки мемфисской хлопковой биржи. Это было важно. Когда-нибудь земля перейдет ему и Стелле, и все будет зависеть от ежегодных урожаев.

– Урожай в этом году на славу, – заметил таксист.

– Да, – кивнул Джоэл. – Еще миля, и я выйду. – И через минуту добавил: – Вот здесь, на Пейс-роуд.

– В месте, где ничего нет?

– Именно.

Такси на гравиевом покрытии замедлило ход.

– С тебя доллар, – сказал водитель.

Джоэл подал четыре двадцатипятицентовика, поблагодарил и вышел, забрав багаж. Когда такси, развернувшись, направилось обратно в город, он прошел четверть мили и оказался на подъездной дорожке к поместью.

Свет в доме не горел, дверь была не заперта. Переступив порог, Джоэл сообразил, что кунхаунд Мак либо у Ниневы, либо у Флорри, иначе пес бы залаял, когда он только подходил к крыльцу. В былые времена – и не такие давние – дом жил бы голосами родителей, музыкой из радио, а субботним вечером шумом ужина с друзьями. Но сегодня он напоминал могилу: темный, безжизненный, пропахший застоялым табачным дымом.

Родители под замком: мать в государственном доме для умалишенных, отец в местной тюрьме.

Джоэл вышел через широко распахнутую заднюю дверь, миновал маленький домик Ниневы и Эймаса и двинулся по тропинке у амбара и навеса для тракторов. Здесь была его территория, и он знал каждый дюйм. В сотне ярдах впереди горел свет в коттедже Бафорда – их мастера или бригадира, как он

предпочитал, чтобы его называли. Бафорд стал им еще до войны, и его значимость для семьи сильно выросла.

В коттедже Флорри светились все окна, и сама она ждала у двери. Обняв племянника, обругала его за то, что приехал. Два дня назад Мариэтта приготовила тушеную оленину, и теперь она разогревалась на плите. Дом наполнял терпкий мясной аромат.

– Ты поправился, – заметила Флорри, когда они сели за стол. Она налила кофе из керамического кофейника.

– Давай не будем говорить о том, сколько мы весим, – усмехнулся Джоэл.

– Ладно. – Тетка тоже раздалась, хотя к этому не стремилась. – Рада тебя видеть.

– Хорошо оказаться дома даже в таких обстоятельствах.

– Зачем ты приехал?

– Потому что я здесь живу, тетя Флорри. Потому что мою мать услали невесть куда, а отца засадили в каталажку. Что, черт возьми, происходит?

– Следи за своим языком, студент.

– Вот еще! Мне двадцать лет, я старшекурсник. Ругаюсь, курю и, когда захочется, выпиваю.

– Господи, прости и помилуй! – охнула Мариэтта.

– Ты мне больше не нужна, – обернулась к ней Флорри. – За мясом я присмотрю. Иди к себе. Увидимся завтра.

Мариэтта сдернула передник, кинула на рабочий стол, натянула куртку и направилась в подвал.

Тетя и племянник вздохнули, сделали по глотку кофе и помолчали.

– Почему он это совершил? – тихо спросил Джоэл.

– Никому, кроме него, не известно, а он объяснять отказывается, – покачала головой Флорри. – Я встречалась с ним на следующий день после убийства. Он словно не от мира сего.

– Должна же быть какая-то причина, тетя Флорри. Без веской причины отец ничего столь ужасного не совершил бы.

– Согласна. Только он не хочет ничего обсуждать. Я много раз, Джоэл, видела этот его взгляд. Он означает одно: свою тайну Пит унесет с собой в могилу.

– Он обязан нам открыться.

– Уверена, ты ничего не узнаешь.

– У тебя есть бурбон?

– Ты еще молод для бурбона!

– Мне двадцать лет. – Джоэл встал. – Следующей весной я оканчиваю колледж и поступаю в юридический институт. – Он подошел к дивану, где оставил рюкзак. – В юридический институт я поступлю потому, что не собираюсь становиться фермером, какие бы виды не имел на меня отец. – Джоэл достал из рюкзака фляжку. – Не собираюсь жить здесь и думаю, тетя Флорри, ты это поняла давным-давно. – Он вернулся к столу, открыл крышку и сделал глоток. – «Джек Дэниелс». Хочешь?

– Нет.

Новый глоток.

– Даже если бы я допускал возможность возвращения в округ Форд, все полетело к дьяволу после того, как мой отец стал самым прославленным убийцей местной истории. Разве можно меня за это осуждать?

– Полагаю, что нельзя. Ты до этого не упоминал о юридическом институте.

– Идея возникла в прошлом году.

– Прекрасно. Куда ты собираешься поступать?

– Пока не выбрал. Только не в Вандербилт. Я люблю Нэшвилл, но мне требуются перемены. Может, в Тулейнский или Техасский университет. Подумывал о Старом Миссе, но теперь мое единственное желание – находиться как можно дальше отсюда.[2 - Миссисипский университет.]

– Хочешь есть?

– Умираю от голода.

Флорри пошла в кухню и положила в большую миску мясо из кастрюли на плите. Поставила перед Джоэлом вместе с остатками маисового хлеба и стаканом воды. Но прежде чем сесть, открыла буфет и достала бутылку джина. Смешала две унции с небольшим количеством тоника и села напротив племянника. Он улыбнулся:

– Однажды мы со Стеллой нашли твой джин. Ты знала?

– Нет! Вы выпили?

– Попытались. Мне было тогда шестнадцать лет. Нам было известно, что ты прячешь бутылку в буфете. Я налил немного в стакан и лизнул. Меня чуть не вырвало. Будто глотнул шампуня для волос. Как ты пьешь эту гадость?

– Дело в практике. Какова была реакция Стеллы?

– Такая же, как моя. Уверен, что с тех пор она не притронулась к спиртному.

– Славная девочка. А ты, как я погляжу, развил в себе вкус.

– Я студент, тетя Флорри. Это часть моего образования.

Джоэл подцепил большой кусок мяса, затем еще. Глотнул виски и улыбнулся:

– Хочу поговорить о матери. В прошлом было много тайн, которые ты знала, но скрывала от нас.

Флорри покачала головой и отвернулась.

– Она сломалась, когда нам сказали, будто отец убит. Или считался убитым, – продолжил Джоэл. – Мы все тогда немного тронулись. Я неделю не мог выйти из дома. Помнишь, тетя Флорри?

– Как я могу забыть? Это было ужасно.

– Мы были словно привидения – днем бродили, как во сне, и страшились ночей. Но находили в себе силы жить. И мама тоже справлялась. Крепилась и сохраняла лицо. Правда?

– Да. Как мы все. Но это было непросто.

– Жизнь казалась адом наяву. Однако мы выстояли. Я был в Вандербилте, когда мать позвонила и сообщила, что отец жив. Что его нашли и спасли. Нам сказали, что он тяжело ранен, но это было не важно. Главное, что жив! Я поспешил домой, и мы отпраздновали это события. Мать была очень счастлива. Я правильно говорю, тетя Флорри?

– Да. Мы ликовали, испытывали почти эйфорию. И это длилось несколько дней. Сам факт, что Пит жив, казался чудом. Затем, прочитав, как жестоко обращались на фронте с военнопленными, стали задаваться тревожным вопросом, насколько серьезны его ранения.

– А теперь о матери. Мы безумно радовались, когда отца отпустили. И когда он вернулся домой героем, она испытала гордость, как никакая женщина в мире. Никто не чувствовал себя счастливее нас, и это было всего год назад. Что же произошло, тетя Флорри?

– Не надейся, что я тебе отвечу. Я не знаю. Первые несколько недель все шло хорошо. Пит выздоравливал и с каждым днем креп. Твои родители радовались,

жизнь складывалась как нельзя лучше. Затем все изменилось. Нинева сказала Мариэтте, что они ссорятся, что Лиза ведет себя странно, склонна к приступам плохого настроения и надолго запирается в комнате. Твои родители больше не спали вместе, Пит перебрался в твою спальню. Поскольку предполагалось, что мне об этом неизвестно, я не задавала вопросов. К тому же спрашивать Пита о личном – пустая трата времени. С Лизой я не была близка, и она со мной ничем не делилась. В общем, я блуждала в полной темноте, но, если честно, это не самое худшее место.

Джоэл сделал большой глоток виски.

– А вскоре мать отослали из дома?

– Да.

– Почему, тетя Флорри? Почему мою мать поместили в дом для душевнобольных?

Флорри покачала стакан, долго смотрела, как в нем плещется джин, сделала глоток и, поморщившись, словно выпила что-то отвратительное, поставила на стол.

– Пит решил, что ей требуется помощь, но здесь профессионалов нет, они в Уитфилде, куда Лизу и отправили.

– Так просто? Взяли и увезли?

– Нет, потребовались кое-какие действия. Но давай начистоту, Джоэл, твой отец знако́м с нужными людьми, и Уилбэнксы у него в заднем кармане. Они переговорили с судьей, и тот подписал распоряжение. Твоя мама судебному приказу о помещении в дом для душевнобольных не сопротивлялась. У нее не было выбора: если твой отец что-то от нее требовал, а я не сомневаюсь, он требовал, ей оставалось лишь подчиниться.

– Какой ей поставили диагноз?

– Понятия не имею. Наверное, принадлежность к женскому полу. Не забывай, Джоэл, мы живем в мире мужчин. И если мужу со связями кажется, будто жена

не такая, как раньше, подавлена и подвержена колебанию настроения, он может на время избавиться от нее.

– Неужели отец засадил жену в сумасшедший дом только потому, что ему почудилось, что она не такая, как раньше? Она для этого слишком молода. Тут что-то не так, тетя Флорри.

– Я тоже так считаю. Однако меня не посвящали в их споры и ссоры.

Джоэл вернулся к мясу, съел несколько ложек и снова запил виски.

Флорри попыталась, но тщетно, изменить тему беседы:

– Ты все еще встречаешься с той девушкой?

– С какой?

– Довольно. Ответ исчерпывающий. А вообще у тебя есть девушка?

– Постоянной – нет. Я для этого слишком молод, и мне предстоит учиться юриспруденции. Ты сказала по телефону, что разговаривала с Джоном Уилбэнксом. Он взялся защищать отца?

– Да, насколько это возможно. Пит не желает сотрудничать. Уилбэнкс намерен доказать, что имела место самооборона в порыве помутнения рассудка. Говорит, что это единственный способ спасти Питу жизнь. Но твой отец все отвергает – мол, что соображает лучше Уилбэнкса и любого другого адвоката, с чем я спорить не могу.

– Похоже, отец не в своем уме. Ссылка на помутнение рассудка – единственный способ защиты. Вчера я кое-что почитал из юридической литературы.

– Так помоги Уилбэнксу, он нуждается в помощи!

– Я написал ему письмо и завтра хочу встретиться с ним.

– Неудачная мысль, Джоэл. Сомневаюсь, что по воскресеньям он работает, а тебе в городе лучше не показываться. Твой отец рассердится, если узнает, что ты приехал. Мой тебе совет: скройся из города так же по-тихому, как просочился, и не появляйся до тех пор, пока отец не даст «добро».

– Я хотел бы поговорить с Бафордом и выяснить, что с урожаем.

– Ты не фермер и помочь ничем не можешь. У Бафорда все под контролем, он отчитывается передо мной. А я планирую сходить в тюрьму и передать его информацию Питу. Урожай обещает быть обильным, так что не вмешивайся и не портить ситуацию. Кроме того, Бафорд доложит Питу, что ты в городе. Неудачная мысль.

Джоэл натянуто засмеялся, в первый раз с тех пор, как явился к тете, глотнул виски и отодвинул миску.

– Половину не доел, – заметила Флорри. – Тебе нужно лучше питаться. Когда-нибудь ты наберешь вес и придешь в норму. А сейчас, смотри, какой тощий.

– В последние дни пропал аппетит. И тому есть причины. Не возражаешь, если я закурю?

Флорри кивнула:

– Но только на крыльце.

Джоэл вышел из дома, а она убрала со стола, обновила напиток в стакане, подбросила полено в печь в кабинете и, ожидая племянника, опустилась в свое любимое кресло. Джоэл вернулся, взял фляжку с виски, присоединился к тете и сел на потертый кожаный диван.

Флорри прокашлялась и начала:

– Поскольку мы заговорили о хлопке, тебе следует кое о чем узнать. Это никакой не секрет, раз в суде есть регистрационная запись. Примерно месяц назад твой отец нанял юриста из Тупело и официально перевел владение фермой совместно на тебя и на Стеллу. Моя земля остается моей и не задействована в операции.

Об этом в прошлую среду мне сообщил Джон Уилбэнкс в своем кабинете. Конечно, вы со Стеллой в любом случае когда-нибудь унаследовали бы ферму.

Удивленный и смущенный Джоэл задумался.

– Почему отец так поступил?

– Потому что имел возможность. С точки зрения Уилбэнкса, шаг неблагоразумный. Перевел свои активы, желая защитить от родных человека, которого собирался убить. Просто и ясно. Но тем самым преподнес подарок обвинителю. Окружной прокурор станет доказывать суду, что убийство было спланировано. Пит все предусмотрел.

– Земля теперь в безопасности?

– Уилбэнкс так не считает, но мы не обсуждали подробности. Говорили на следующий день после трагедии. Не могли оправиться от потрясения. Впрочем, сейчас тоже.

– Уилбэнкс полагает, что родные Белла станут претендовать на землю?

– Подразумевает, но прямо не сказал. Это тебе предмет для изучения, коль скоро ты нашел дорогу в юридическую библиотеку.

– Семье требуется постоянный адвокат. – Джоэл допил содержимое фляги.

Флорри смотрела на племянника и любовалась им. Он воплощал ее генеалогическую линию, ее любимых Бэннингов – высокий, с темными глазами и густыми волосами. А вот Стелла была копией Лизы – и по внешности, и по темпераменту. Джоэл горевал, и Флорри переживала вместе с ним. Его счастливая, беззаботная жизнь сделала крутой поворот, и Джоэл ничего не мог поделать, чтобы изменить курс.

– А мама может вернуться домой? – тихо спросил он. – Отец поместил ее в дом для душевнобольных, но теперь его влияние существенно снизилось. Есть шанс, что ее отпустят?

– Не знаю. Раньше Пит раз в месяц ездил в Уитфилд повидаться с ней, но особенно не распространялся. Только упоминал, что улучшения не наступает.

– Как может наступить улучшение, если человек в сумасшедшем доме?

– Вопрос не по адресу.

– А почему я не могу ее навестить?

– Отец запретил.

– Я не могу повидаться с отцом и не могу навестить мать. В общем, я потерял обоих родителей.

– Да, дорогой. Мне очень жаль.

Они долго смотрели на огонь и молчали. Дрова шипели и потрескивали, пламя угасало. На кожаный диван прыгнула кошка и посмотрела на Джоэла так, словно он вторгся на чужую территорию. Вскоре он тихо произнес:

– Не знаю, как поступить, Флорри. Ничего не приходит в голову.

Теперь уже Джоэл говорил неразборчиво, его язык заплетался. Она сделала глоток джина.

– Возвращение сегодня домой – это не выход. Поезд в Мемфис отходит в половине десятого утра, тебе нужно успеть на него. Здесь ты ничего не исправишь, только появятся лишние тревоги.

– А тревожиться можно и в колледже?

– Именно.

Большая окружная коллегия присяжных собиралась каждый третий понедельник месяца, чтобы заслушать свидетельства о преступлениях местных граждан. В повестке на 21 октября значился обычный перечень пунктов: переросшая в жестокую драку ругань, кража Чаком Марли машины, перестрелка между неграми (хотя тот, кто выстрелил из пистолета, промахнулся, и пуля разбила окно в деревенской церкви белых, отчего преступление подпадало под категорию тяжких); аферист из Тупело, наводнивший округ поддельными чеками; белый мужчина и черная женщина, яростно протестующие против законов штата о расовом кровосмешении, и так далее. Всего десять – преступления тяжкие, что составляло среднее число для относительно мирной территории. Последним значился пункт об обвинении Пита Бэннинга в убийстве.

Майлз Труитт был окружным прокурором с тех пор, как семь лет назад его выбрали на этот пост. В качестве главного прокурора он управлял коллегией присяжных, служившей не более чем «штамповщиком» того, чего хотел он. Труитт отобрал восемнадцать человек, которые исправно исполняли его волю, выбирал нужные ему преступления, вызывал только тех свидетелей, какие требовались обвинению, немилосердно давил на присяжных, если улики казались неубедительными, и в итоге добивался обвинительного акта. Он изучал повестку дня и указывал, какие преступления рассматривать первыми, а какие – последними. Многие случаи не доходили до суда: все заканчивалось сделкой – подзащитные признавали себя виновными в обмен на нестрогие приговоры.

После семи лет судебной службы Майлз Труитт погряз в рутине отсеивания бутлегеров, драчливых мужей и угонщиков машин. Его юрисдикция распространялась на пять округов двадцать второго района, и в прошлом году лишь четыре случая завершились вынесением вердикта. Остальные обвиняемые сразу признали себя виновными. Работа теряла глянец только потому, что в его углу северного Миссисипи не хватало ярких преступлений.

Бэннинг прервал монотонность, причем эффектным образом. Любой прокурор мечтает о сенсационном процессе над убийцей с известным (белым) защитником, знаменитой жертвой, набитым залом суда, множеством корреспондентов и благосклонных избирателей и, разумеется, благоприятным для обвинения итогом суда. Мечта Труитта превращалась в реальность, и он старался обуздать свое рвение как можно скорее обвинить Бэннинга.

Коллегия присяжных собралась в том же помещении суда, где заседает малое жюри. В тесном зале, которого едва хватало для двенадцати присяжных со стульями вокруг узкого стола. Из восемнадцати присутствовали шестнадцать – все белые мужчины. Мистер Джок Федисон из Каррауэя сказался больным, хотя никто не сомневался, что он был слишком занят на уборке хлопка, чтобы распыляться на судебные дела. Мистер Уэйд Баррел даже не удосужился позвонить, и о нем уже несколько недель не было ни слуху ни духу. Фермером он не был, но поговаривали, будто у него возникли проблемы с женой. Она откровенно заявила, что муж напился, ушел и она его больше не видела.

Шестнадцать составляли кворум, и Труитт призвал членов коллегии к порядку. Первым свидетелем пригласили шерифа Гридли. Труитт решил начать с дела Чака Марли, и Гридли изложил факты. Обсуждения не потребовалось, и голосование было единогласным – хищение в крупных размерах. Следующим значился аферист. Шериф предъявил поддельные чеки и показания под присягой обманутых коммерсантов. И опять единогласное голосование, как и в случае с разделщиком древесины, который, кроме прочих травм, сломал жене нос.

Правосудие несло на всех парах, пока Труитт не вызвал нарушителей закона о расовом кровосмешении, которые занимались любовью в кузове пикапа в районе, известном подобными приключениями.

Помощник шерифа Рой Лестер получил анонимные сведения, что планируется подобное свидание, и первым прибыл на место. Он спрятался в темноте и убедился, что информатор его не обманул. Белый мужчина, который позднее признался, что у него есть жена и ребенок, подъехал на пикапе к месту, где скрывался полицейский, и начал раздеваться. То же стала проделывать незамужняя восемнадцатилетняя черная. Рядом никого не было, и парочка решила заняться любовью в кузове.

Свидетельствуя перед коллегией присяжных, Лестер сообщил, что тихо наблюдал из-за деревьев. И нашел сцену весьма эротичной и бурной. Присяжные наострили уши, и полицейский не стеснялся в деталях. Когда мужчина испытал оргазм, он выскочил из засады, и, размахивая оружием, крикнул: «Прекратить!» Наверное, команда была неправильной – разве может человек остановиться в высшей точке наслаждения? Пока влюбленные поспешно одевались, Лестер ждал их с наручниками. Препроводил в спрятанную на грязной дороге патрульную машину и отвез в тюрьму. В дороге белый мужчина расплакался и

стал просить о снисхождении. Его жена наверняка разведется с ним, а он ее очень любит.

Лестер закончил показания, притихшие присяжные сидели так, словно ждали продолжения. Наконец переехавший из Огайо Фил Хобард спросил:

– Если мужчине двадцать шесть лет, а женщине восемнадцать, в чем заключается нарушение закона?

Труитт моментально овладел контролем над обсуждением.

– В связи белого с черной, которую юрисдикция штата много лет назад определила незаконной.

Мистера Хобарда его ответ не устроил. Игнорируя хмурые лица коллег, он продолжил:

– Разве адюльтер – это противозаконно?

Несколько мужчин опустили головы и стали изучать разложенные на столе бумаги. Кто-то поежился, а правоверные взглянули так сурово, словно хотели сказать: «Если и не противозаконно, то надо сделать противозаконным».

– Нет, – ответил Труитт. – Когда-то было, но власти сочли затруднительным обеспечивать исполнение данного требования.

– Позвольте расставить точки над «i», – не унимался Хобард. – Сегодня в Миссисипи не является противозаконным измена жене, коль скоро партнерша – женщина одной с мужчиной расы.

– Таков закон, – подтвердил судья.

Хобард был единственным из состава жюри, кто осмелился копнуть глубже.

– Неужели у нас нет занятия важнее, чем преследовать двух взрослых, которые по обоюдному согласию решили доставить себе удовольствие в постели или в кузове пикапа?

– Не я писал законы, – возразил Труитт. – Если вы, мистер Хобард, хотите изменить их, то обращайтесь к сенатору законодательного собрания штата.

– Сенатор нашего законодательного собрания – кретин.

– Не исключено. Но данный вопрос выходит за рамки нашей юрисдикции. Мы готовы голосовать по поводу обвинительного акта?

– Нет! – резко воскликнул Хобард. – Вы торопите события. Ладно. Но перед тем, как голосовать, я хочу спросить у своих коллег по большому жюри, не было ли у них связи с темнокожей женщиной. Если была, то они не могут поддерживать обвинение этих двух людей.

Возникло ощущение, будто из помещения выпустили весь воздух. Одни побледнели, другие покраснели от гнева. Кто-то бросил:

– Никогда!

Послышались возгласы:

– Это просто нелепо!

– Вы чокнутый!

– Давайте голосовать!

– Это преступление, у нас нет выбора!

Никс Гридли стоял в углу, наблюдая за происходящим, и старался не улыбаться. Данн Лэдлоу был завсегдатаем публичного дома в Лоутауне, где его обслуживали цветные проститутки. Милт Мюнси баловался с чернокожей любовницей не меньше лет, чем он служил шерифом. Нэвилл Рэй был выходцем из семьи плантаторов, которые всегда занимались кровосмешением. Но теперь все пятнадцать нуклюже демонстрировали свое ханжество.

Закон штата против кровосмешения был подобен таким же на юге: он никак не касался отношений между белыми мужчинами и черными женщинами. Такие связи вряд ли даже осуждались. Целью закона было оградить неприкосновенность белой женщины от посягательства черных мужчин. Но как неоднократно доказывала история, если пара пожелала сближения, они едва ли будут тратить время на обдумывание статей закона. Он ничего не предотвращал, но порой служил орудием наказания после свершившегося факта.

Труитт дождался, когда стихнут возгласы, и произнес:

– Нам нужно двигаться дальше. Приступим к голосованию. Поднимите руки, кто за то, чтобы предъявить этим двоим обвинение?

Руки подняли пятнадцать человек – все, кроме Хобарда. Вынесение решения об обвинении не требовало единогласного голосования. Достаточно двух третей, и прокурор никогда не проигрывал. Вскоре коллегия присяжных покончила с другими обвиняемыми, и Труитт объявил:

– Переходим к делу Пита Бэннинга. Убийство первой степени. Не сомневаюсь, вы знаете столько же, сколько я. Шериф Гридли, вам слово.

Никс переступил через несколько сапог и ботинок и сумел добраться до стула в конце стола. Половина мужчин курили, и он велел Рою Лестеру приоткрыть окно. Прокурор выпустил струю дыма в потолок.

Никс начал с места преступления и пустил по кругу фотографии мертвого Декстера Белла в его кабинете. Описал обстановку, привел слова Хоупа Пордью, рассказал, как ездил арестовывать Бэннинга и как тот сообщил, где найти пистолет. Шериф показал оружие и три пули и заявил, что нет никаких сомнений, что именно они нанесли смертельные повреждения. Полиция штата прислала отчет. С момента ареста Пит Бэннинг отказывается обсуждать преступление. Его интересы представляет мистер Джон Уилбэнкс. Если по обвинительному акту будет вынесено обвинение, то, вероятно, в ближайшем будущем состоится суд.

– Спасибо, шериф, – кивнул Труитт. – Вопросы имеются?

Поднялась рука, и Милт Мюнси громко спросил:

– Нам придется голосовать? Я вот о чем: я знаю Пита Бэннинга и знал Дексера Белла и не хотел бы в этом участвовать.

– Я тоже, – поддержал его Тиус Саттон. – Я вырос с Питом Бэннингом и не имею права судить его.

– Верно, – заявил Пол Карлин. – Я не стану этим заниматься. А если на меня надавят, то подам в отставку. Мы ведь можем уйти из коллегии присяжных. Так вот, я лучше уйду, чем приму в этом участие.

– Не можете! – отрезал Труитт, сверкнув глазами на выходящих из-под контроля «штамповщиков».

– А как насчет воздержаться? – спросил Джо Фишер. – Ведь у нас есть право воздерживаться, если речь идет о тех, кого мы лично знаем? Покажите мне статью в законе, где написано, что мы не имеем права воздерживаться, если того хотим.

Все взгляды устремились на Труитта, который, как другие прокуроры в районе, привык трактовать законы, как ему заблагорассудится. Труитт не мог припомнить соответствующую статью, хотя, если честно, много лет не заглядывал в свод законов. Он привык, что присяжные подмахивали все, что ему требовалось, и стал пренебрегать хитросплетениями процедуры.

Пока Труитт тянул время и размышлял, что ответить, его мысли были не о большом жюри, а о судебных присяжных. Если люди округа Форд так быстро сломались и решили отойти от дела, сумеет ли он убедить двенадцать присяжных вынести обвинительный вердикт? Главный процесс его жизни рушился на глазах. Труитт кашлянул и произнес:

– Позвольте вам напомнить, что вы давали клятву тщательно и беспристрастно рассматривать улики и выносить суждение, было ли по всей вероятности совершено преступление. Сейчас не ваше дело заключать, виновен или невиновен мистер Бэннинг. Ваше дело решить, следует ли обвинять его в убийстве. Его участь решит суд. А теперь: шериф Гридли, есть ли у вас сомнения, что Пит Бэннинг убил Декстера Белла?

– Нет.

– Этого, джентльмены, достаточно для вынесения официального обвинения. Следует ли продолжить обсуждение?

– Я не стану голосовать, – заявил Тиус Саттон. – У Пита имелись причины так поступить, и не мне о них судить и выносить решение.

– Вы не выносите никакого решения, – возразил Труитт. – А если у обвиняемого были для его поступка какие-то причины, у него есть официальная защита и суд их рассмотрит. – Он разозлился и раздраженно глядел на присяжных. Труитт знал закон, а они нет.

Но Тиус Саттон был не из пугливых. Он встал и указал пальцем на судью.

– Я не в том возрасте, чтобы на меня кричать. Я уйду. А если вам придет в голову устроить мне неприятности, я вам это припомню, когда подойдет срок ваших перевыборов. И я знаю, где найти адвоката. – Тиус Саттон направился к двери, открыл ее и с треском захлопнул за собой.

Число присяжных сократилось до пятнадцати. Для утверждения обвинительного акта требовалось две трети голосов. А из тех, кто остался, по крайней мере, трое не желали принимать участия в голосовании. Труитт внезапно вспотел и, тяжело дыша, торопливо прикидывал, как поступить. Он мог распустить коллегию и вернуться к делу Бэннинга в следующем месяце. Мог распустить присяжных и просить судью назначить новый состав. Мог надавить, а если не получит необходимых десяти голосов, вернуться к делу Бэннинга в ноябре. Но законно ли дважды представлять на утверждение большой коллегии присяжных обвинительный акт человеку за одно и то же преступление? Вряд ли. Как поступить, чтобы не ошибиться? Труитт никогда раньше не оказывался в таком положении. Он решил надавить, как действовал уже много раз.

– Есть необходимость продолжать обсуждение?

Люди за столом тревожно переглядывались, однако последовать примеру Тиуса Саттона смельчаков не нашлось.

– Отлично, – кивнул судья. – Кто за то, чтобы вынести Питу Бэннингу обвинение в совершении убийства первой степени Декстера Белла, поднимите руки.

Медленно, с явной неохотой, поднялись пять рук, затем к ним присоединились еще пять. Остальные остались под столом.

– Воздерживаться не полагается! – рявкнул на Милта Мюнси Труитт.

– А вы не имеете права заставить меня голосовать! – огрызнулся тот, готовый и наносить, и отражать удары.

Судья окинул взглядом помещение, быстро подсчитал и объявил:

– Десять. Две трети. Достаточно для вынесения обвинительного акта. Спасибо, шериф. Заседание окончено.

Дни шли, и Пит занимался улучшением условий своего пребывания в камере. Первой целью стало кофе. И на третий день вся тюрьма – и заключенные, и охрана, и копы – пили «Стандард» из Нового Орлеана. Флорри привозила кофе в пятифунтовых пакетах и во время второго визита спросила Никса, что пьют цветные. Шериф ответил, что им кофе не подают, и это ее разозлило. Она сердито пригрозила, что заберет принесенное обратно, если кофе не будут давать всем заключенным.

Дома Флорри подстегнула Мариэтту и Нинеvu, и те с двойным рвением принялись печь, жарить и варить. Она почти каждый день приходила в тюрьму с пирожками, кексами, шоколадными сдобами, горшочками с тушеной говядиной и олениной, капустой, фасолью, рисом, горохом и кукурузным хлебом. Качество тюремного меню взлетело до небес – теперь многие заключенные в камерах питались лучше, чем на свободе. Эймос заколот жирного борова, и вся тюрьма объедалась копчеными свиными ребрами. Перепадало и Никсу с подчиненными, и они могли экономить на обеде. Шерифу еще не приходилось держать в заключении фермера с огородами, где выращивалось съестное, и прислужой, которая хорошо умела готовить.

После первой недели Пит убедил Никса назначить его заключенным с привилегиями. Это означало, что в дневное время дверь его камеры оставалась открытой и он мог разгуливать по всей тюрьме при условии, что не попытается покинуть здание. Шериф предвидел слухи о его особом отношении к Брэннингу и поначалу этого делать не хотел. Но всякая уважающая себя тюрьма держит хотя бы одного заключенного на подобном положении, а у него в это время не было. Последний, Гомер Галакс, шесть лет верно служил округу, и ему оставалось еще три – такой срок он получил за насилие при отягчающих обстоятельствах, но сбежал с вдовой, у которой, как утверждали, водились деньги. С тех пор их никто не видел, а у Никса не было ни времени, ни сил, ни желания заниматься поисками.

Правило, которое в данном случае было явно нарушено, гласит: заключенный, прежде чем получить привилегии, должен быть осужден и отбывать срок в окружной тюрьме, а не сидеть в исправительном заведении штата. Никс проигнорировал этот пункт, и Пит получил, что хотел. В качестве заключенного с привилегиями он разносил ставшую намного вкуснее еду другим четверым белым заключенным и располагавшимся в заднем крыле шести или семи черным. Поскольку обитатели камер знали, откуда берется еда, они его высоко ценили. Пит организовал уборку помещений и на свои средства пригласил водопроводчика, чтобы тот привел в порядок оборудование в обоих туалетах. За несколько долларов прочистил систему вентиляции, воздух освободился от дыма, и все, даже курильщики, вздохнули свободнее. С черными заключенными отремонтировал печь, и в камерах по ночам стало почти тепло. Спал Пит крепко, часто ложился вздремнуть, делал по часам зарядку и призывал к тому же остальных. Когда скучал, читал романы с такой скоростью, что Флорри едва успевала их приносить. Полок в крохотной камере не было, и она возвращала их домой, где библиотека в кабинете Пита насчитывала тысячи томов. Читал он также вырезки из газет и журналов, которые давала ему сестра.

Предлагал все это другим, но, никого не заинтересовав, заподозрил, что они либо частично, либо вовсе неграмотны. Чтобы скоротать время, играл в покер с Леоном Колливером из камеры напротив. Парень был не очень умный, но в картах мастак, и наострившемуся в армии в карточных играх Питу было с ним непросто. Его любимой карточной игрой был криббидж, и Флорри купила ему специальную доску с колышками. Леон об этой игре раньше не слышал, однако быстро овладел и за час выиграл пять центов. Они ставили пенни за кон. Принимались также расписки – никто не рассчитывал обогатиться.

По вечерам, когда все дела были выполнены и тюрьма становилась уютнее, чем всегда, Пит открывал камеру Леона, и они вытаскивали в коридор, полностью его перекрывая, шаткие стулья. Доску для криббиджа ставили на квадрат фанеры, который Пит держал в своей камере. Игра начиналась. У Леона хранилась фляжка с маисовым самогоном, который гнали для него родные. Поначалу Пит не проявлял к нему интереса. Но сознавая реальность, что будет либо казнен, либо получит пожизненный срок, сдался – черт с ним. В разгар игры Леон оглянулся в коридоре, отвинтил крышку, сделал глоток и протянул Питу. Тот тоже оглянулся, пригубил и отдал обратно. Они не жадничали. Просто на всех бы не хватило. К тому же в любой тюрьме всегда найдется стукач, и шерифу Гридли не понравилось бы, если бы он узнал, что в его камерах пьют.

Они склонились над игровой доской и не обсуждали ничего, кроме счета, когда открылась дверь и в коридоре появился Никс Гридли с какими-то бумагами в руках.

– Привет, парни.

Оба вежливо кивнули, и шериф протянул бумаги Питу:

– Сегодня собиралась большая коллегия присяжных. Вот ваш обвинительный акт. Первая степень.

Пит выпрямился и взял документы.

– Ничего неожиданного.

– Шаблонное решение. Дата – шестое января.

– Раньше назначить не могли?

– На сей счет поговорите со своим адвокатом. – Никс повернулся и ушел.

Через месяц после гибели мужа Джеки Белл с тремя детьми переехала в дом родителей в РOME, штат Джорджия. Она взяла с собой совсем немного не принадлежащих приходу предметов мебели. Но зато длинный шлейф приятных воспоминаний о пяти годах жизни в Клэнтоне. Со слезами простилась с вскормившим ее и детей и отобравшим мужа сообществом. В суматохе после убийства Джеки согласилась, чтобы тело Декстера предали земле в Клэнтоне, потому что так было проще. Они были не из Миссисипи, ни родных, ни корней здесь не имели, и ее потянуло домой. Но как оставить его? Часть дня у нее занимал поход на кладбище – положить цветы на могилу мужа и от души поплакать. Таков был ритуал. Джеки думала, что будет это делать вечно. Однако из Джорджии сюда не наездишься. Декстер был тоже из Рома. Надо будет его там перезахоронить – на кладбище за методистской церковью.

Они поженились, когда Декстер учился в семинарии в Атланте. После окончания он получил назначение помощника пастора во Флориде. Так началась их кочевая жизнь. Они мотались по югу, где родили троих детей – всех в разных местах. И наконец, после нескольких месяцев в Перл-Харборе обосновались в Клэнтоне.

Джеки нравился город – до той поры, пока не погиб Декстер. Вскоре после похорон мужа она решила, что не может в нем оставаться. Причина была в том, что церкви требовался дом священника. Вскоре пришлют нового назначенца, и его семье нужно где-то жить. Ей великодушно предложили остаться еще на год и ничего не платить, но Джеки отказалась. Еще одна причина, и самая главная – страдали дети. Они обожали отца и не могли смириться с утратой. В маленьком Клэнтоне им вечно пришлось бы носить клеймо отпрысков застреленного при загадочных обстоятельствах человека. Чтобы оградить детей, Джеки перевезла их в место, которое они знали, как дом их бабушки и дедушки.

В РOME дети окунулись в школьную рутину, и Джеки поняла, насколько временны новые обстоятельства. Дом ее родителей был невелик – его явно не хватало для троих подростков. Она взяла десять тысяч долларов из страховки жизни и начала искать жилье внаем. К неудовольствию родителей, стала пропускать церковные службы. Они были истовыми методистами и каждое воскресенье ходили в храм. В этих местах немногие игнорировали службы, а если такие находились, их дружно осуждали. Джеки была не в настроении что-либо объяснять, но дала ясно понять, что борется со своей верой и ей требуется время, чтобы разобраться в себе. Наедине с собой она задавала очевидный вопрос: ее муж – верный слуга и последователь Христа, читал Библию, готовил церковные службы и вот убит. Почему Господь не выделил его из других и не

защитил? Чем глубже Джеки в себе копалась, тем острее беспокоил вопрос, который она не решалась задать вслух: а есть ли Бог? Даже мимолетная мысль об этом ее пугала, но Джеки не могла отрицать, что она возникала.

Вскоре о ней заговорили, и мать не преминула ей об этом сообщить. Джеки было безразлично – она настолько настрадалась, что местные пересуды не могли добавить ей боли. Детям в новой школе приходилось несладко. Каждый новый день был днем выживания.

Через две недели Джеки съехала от родителей в съемный дом на противоположном конце города. Он принадлежал юристу Эрролу Маклишу, тридцатидевятилетнему мужчине, которого она знала по школе в РOME. Маклиш и Декстер учились в одном классе, хотя принадлежали к разным кругам. Как все в небольшом городе, Эррол знал об убийстве одноклассника и захотел помочь его вдове.

Последние недели Джеки ела, только чтобы поддержать жизнь, и сбросила вес, который набрала шесть лет назад во время беременности. Такой способ похудения она бы никому не посоветовала, однако это стало единственным светлым пятном в окружающем ее кошмаре. Глядя в зеркало, Джеки не могла не признать, что выглядит лучше, чем раньше. В свои тридцать восемь лет она весила столько, сколько в день свадьбы, и жир больше не закрывал бедра. Ее веки опухли, а глаза покраснели от постоянного плача, и Джеки дала слово прекратить истязать себя.

Дважды в неделю Маклиш приезжал проверить, как у нее дела, и Джеки стала слегка подкрашиваться. Поначалу испытывала чувство вины – ведь Декстер еще не остыл в земле. Она же не собиралась предаваться любовным похождениям. В РOME, вероятно, не так уж много образованных холостяков. И что такого, если она будет выглядеть чуточку лучше?

Со своей стороны, Эррол считал Джеки привлекательной, но отягощенной грузом. С болью вдовства справиться можно, однако он не хотел становиться членом уже готовой семьи. Единственный ребенок своих родителей, Эррол мало общался с детворой. И мысль обзавестись сразу тремя детьми ему претила. Но почему бы не воспользоваться трагедией и одиночеством женщины и не пофлиртовать?

Однако истинный интерес Эррола был в области возможного судебного иска. Его наследство находилось в закладе, он задолжал по нескольким сделкам и после десяти лет адвокатской практики понял, что это не такое уж прибыльное занятие. Как только Джеки появилась в РOME, Маклиш принялся расставлять ловушки. Съездил в Клэнтон и, потолкавшись у здания суда, выяснил, что ему требовалось, о Бэннингах. Потратил часы, копаясь в земельных реестрах и представляясь лизинговым агентом «большой нефтяной и газовой компании». Как он и ожидал, его первая и единственная нефтяная инициатива вызвала у местных волнение: юристы и их помощники, не спуская глаз с незнакомца, принялись изучать пыльные тома с земельными документами. Маклиш же потихому исчез, оставив горожан гадать, когда в их местности начнется нефтяной бум. Вернувшись в Джорджию, он с вежливой регулярностью продолжил навещать вдову Белл. Ничем не интересовался, ничего не выспрашивал, был рассудительным, даже почтительным, словно понимал, в каком запутанном мире ей приходится жить, и не хотел в него входить.

В 1946 году Холлинз зачислил на обучение 375 студенток и ни одного студента. Колледж со столетней историей имел блестящую репутацию, особенно среди дам из высшего общества. Стелла Бэннинг выбрала Холлинз, потому что его окончили многие успешные подруги из Мемфиса. Лиза – нет, ее семья не могла осилить столь высокую плату за обучение.

Девушки окружили Стеллу, как плотный кокон, оберегая от ненужного внимания и враждебности. Им не верилось, что такое милое, очаровательное существо может оказаться в центре ужасной семейной драмы, тем более что это была не ее вина. Ни одна из студенток Холлинза не бывала в Клэнтоне. Некоторые слышали: отец Стеллы – герой войны, однако большинство девушек это ничуть не интересовало. Ее родителей они не знали, но Джоэл произвел фурор, приехав на недавний уикэнд выпускников.

Дни и недели после убийства Стелла никогда не оставалась одна. Соседки по общежитию дежурили ночью, когда ее мучили кошмары и не давали уснуть взрывы эмоций. Днем старались чем-нибудь занять. Преподаватели, понимая ее состояние, разрешали пропускать занятия и не сдавать в срок домашние работы. Кураторы наблюдали за Стеллой и отчитывались перед следившим за ситуацией ректором. Вскоре стало известно, что на каникулы, на День благодарения, Стелла домой не поедет. Отец приказал ей оставаться в колледже. Преподаватели и сокурсницы наперебой приглашали погостить, причем даже

едва знакомые девушки.

Тронутая до слез, Стелла всех благодарила и уехала из Роанока поездом со своей лучшей подругой в Александрию, штат Виргиния, чтобы на неделю отправиться в Вашингтон. Она уже бывала у Джинджер, и ее очаровал город. Стелла не говорила об этом родителям и Джоэлу, но планировала быстрее окончить колледж и двинуться туда, где манили яркие огни. Первым выбором был Нью-Йорк, вторым Вашингтон, далеким третьим – Новый Орлеан. Задолго до убийства Стелла поняла, что не станет жить в округе Форд. А после трагедии ей захотелось уехать как можно дальше.

Пусть ее мечты были прерваны, но это не отбило твердого намерения стать писателем. Стелла обожала короткие рассказы Юдоры Уэлти и колоритных персонажей Карсон Маккалерс. Обе южанки правдиво рассказывали о семьях, ссорах, земле и исковерканной истории Юга и успешно публиковались во времена, когда доминировала американская мужская проза. Стелла читала всех – и мужчин и женщин – и не сомневалась: в литературе есть место и для нее. Можно начать с истории собственной семьи – теперь тем более, – но знала, что этого не будет.

Она найдет себе работу в каком-нибудь нью-йоркском журнале, поселится с подругами в дешевых комнатах в Бруклине и начнет писать, как только устроится и ее посетит вдохновение. Стелла полагала, что в случае необходимости родители и тетя Флорри поддержат ее.

Наслаждаться жизнью в Нью-Йорке, работать в журнале, сочинять роман и при этом знать, что дома деньги есть. Мечта воодушевляла и была реальной до тех пор, пока не произошло убийство. Дом отодвинулся вдаль, и все стало непонятным.

Семья Джинджер жила в Старом городе в доме XVIII века на Дьюк-стрит. Узнав о деталях трагедии Бэннингов, ни родители, ни младшая сестра Джинджер ни разу об этом не упомянули. Стеллу водили по вечеринкам и обедам, они гуляли вдоль Потوماка, заходили в студенческие клубы, где курили, много пили, слушали свинг и танцевали ночи напролет.

На День благодарения Стелла позвонила тете Флорри, и они десять минут разговаривали так, словно ничего не произошло. Джоэл гостил в Кентукки в

семье члена братской общины, охотился и наслаждался отдыхом. Флорри пообещала, что на Рождество они соберутся все вместе.

Тем же днем Флорри взяла коробку с двумя жареными индюшками, с картофелем, морковью, свеклой и турнепсом и кастрюлю с подливкой из гусиных потрохов, булочки и два пирога с орехами и повезла все это богатство в тюрьму, где проследила, чтобы брат правильно нарезал птицу. Еда предназначалась всем заключенным и Тику Поли – старому тюремному охраннику, который дежурил по ночам и на праздники, чтобы Никс Гридли и его сотрудники могли отдохнуть. Флорри с Питом ели в кабинете шерифа и видели его незакрытый оружейный сейф. Незапертая дверь выходила на гравиевую парковку. Тик типался в коридоре, охраняя переднюю дверь.

Пит прожевал несколько кусков и закурил. Несмотря на все усилия сестры, он ел по-прежнему мало, похудел и из-за того, что не выходил на улицу, побледнел. Как у них водилось, Флорри прокомментировала его внешний вид. Пит, по своему обычаю, ничего на это не ответил. И восторженно, когда сестра пересказала разговоры с Джоэлом и Стеллой. По версии Флоррис, они прекрасно справлялись и радовались жизни. Пит улыбнулся и воздел глаза к потолку.

## Глава 10

Ко Дню благодарения хлопок собрали, и Пит остался доволен урожаем. Он просматривал котировки рынков и изучал записи каждый раз, когда в тюрьму приходил Бафорд. Подписывал чеки, оплачивал счета, сравнивал депозиты и давал указания, как продавать товар на мемфисской бирже. Распорядился на свои деньги вновь открыть школу для цветных, поднять зарплаты учителям и обновить печи зимнего отопления. Бафорд заикнулся о том, чтобы купить последнюю модель трактора Джона Дира – ею уже пользовались многие фермеры, – но Пит сказал: не теперь, возможно, позднее. В условиях неопределенного будущего он осторожно относился к крупным тратам.

За ценой на хлопок пристально следил и Эррол Маклиш. Джорджия производила почти столько же этого продукта, как Миссисипи, и он был не новичком в оценке состояния рынка. По мере того, как цена на мемфисской хлопковой бирже росла,

Маклиш относился все заботливее к Джеки Белл.

После нескольких недель обсуждений и споров Джон Уилбэнкс и его брат Рассел наконец решили, что суд над Питом Бэннингом не должен проходить в Клэнтоне. Надо попытаться изменить место проведения и перенести его куда-нибудь подальше.

Поначалу их ободрили судебные слухи, будто члены большой коллегии присяжных чуть не восстали против Майлза Труитта. У их клиента явно имелись друзья и почитатели, которые сочувствовали ему, и голосование за вынесение официального обвинения едва не провалилось. Но это были лишь слухи, и поскольку процедура заседания большого жюри не регистрировалась и, как считается, являлась тайной, они не могли ручаться, что все проходило именно так. Со временем они стали сомневаться в беспристрастности присяжных малого жюри. Сами адвокаты и их сотрудники множество раз беседовали с друзьями в округе, стараясь оценить настроение населения. Советовались с другими юристами в городе, двумя судьями в отставке, двумя бывшими шерифами и их помощниками. Поскольку в будущее жюри войдут только белые мужчины, которые наверняка объявят себя прихожанами какой-нибудь церкви, они пообщались со знакомыми священниками всех конфессий. Жены поговорили с женщинами в церквях, садовых и бридж-клубах, и везде беседы начинались свободно, без стеснения.

В результате этого, по крайней мере, Джону Уилбэнксу стало ясно, что настроения людей зреют явно против его клиента. Они выражались во фразе: «Как бы ни ссорились эти двое, вопрос следовало решать без кровопролития». А то, что Пит Бэннинг молчал и никак себя не защищал, только упрощало задачу обвинения. Бэннинг навсегда останется героем войны, но никому не дано право убивать без веской причины.

Под руководством Джона его фирма изучила каждый случай в американском правосудии, когда менялось место проведения суда, и в поддержку прошения было написано пятидесятистраничное резюме. Работа требовала многочасовых усилий, и в итоге между Джоном и Расселом возник жаркий спор о гонораре. С момента ареста Пита Джон не хотел обсуждать эту тему, однако час настал – вопрос превратился в неизбежность.

Потянуть время было немаловажной стороной организации защиты. Пит не захотел строить ее на утверждении о помутнении рассудка, но что еще можно было предъявить присяжным? Очевидно, что нормальный человек не станет трижды стрелять в упор в другого, однако защита была обязана заранее уведомить суд запиской по делу. Джон подготовил ее и сопровождал ссылкой на прецедентное право. И собирался подать одновременно с прошением об изменении места суда.

Но для этого ему требовалось согласие клиента. Джон пререкался с Никсом Гридли, пока не получил от него то, что хотел. Ближе к вечеру за неделю до Рождества шериф и Рой Лестер вывели Пита из тюрьмы и повезли на площадь. Если Бэннинг и обрадовался глотку свежего воздуха, то никак этого не показал. Не разглядывал праздничное украшение витрин магазинов и словно не интересовался тем, что творилось в городе. Даже как будто не оценил, что встречается с адвокатом в его кабинете, а не в тюрьме. В шляпе и наручниках он сел на заднее сиденье и всю краткую поездку смотрел на свои ботинки. Никс остановился у здания, где находилась контора Уилбэнкса, и никто не заметил, как Пит в сопровождении полицейского вошел в дверь. Наручники сняли, и он поднялся вслед за адвокатом в кабинет. Секретарша принесла для Никса и Роя в нижний вестибюль кофе с выпечкой.

Рассел и Джон сели на стулья, а по другую сторону кофейного столика на кожаный диван опустился Пит. Попытались заговорить о пустяках – не получилось. Разве можно обсуждать погоду и предпраздничные приготовления с человеком, который находится в тюрьме по обвинению в убийстве?

– Как дела в тюрьме? – спросил Джон.

– Нормально, – сдержанно ответил Пит. – Я видел места похуже.

– Слышали, ты там все наладил.

Подобие улыбки, и никаких эмоций.

– Никс предоставил мне привилегии, так что я не всегда под замком.

– Говорят, заключенные благодаря Флорри толстеют, – пошутил Рассел.

– Питание стало лучше. – Пит потянулся за сигаретой.

Джон и Рассел обменялись взглядами. Рассел стал закуривать, предоставив Джону затронуть неприятную тему. Тот кашлянул и произнес:

– Прекрасно выглядишь. Мы ведь еще не касались вопроса адвокатского гонорара? Фирма потратила много времени. Суд через три недели, и еще многое предстоит сделать. Нужно заплатить, Пит.

Бэннинг пожал плечами:

– Разве случилось, чтобы я не оплатил поступивший от вас счет?

– Нет. Но тогда тебя не обвиняли в убийстве.

– О какой сумме идет речь?

– Пять тысяч долларов. И это по минимальной ставке.

Пит наполнил легкие дымом и выпустил его в потолок.

– Сколько же было бы по максимальной? Почему так дорого?

В разговор решил вмешаться Рассел:

– Часы, Пит. Часы и еще раз часы. Время – единственное, что мы можем продать. На тебе мы не наживаемся. Ваша семья – постоянный клиент фирмы, мы старые друзья, и наша задача защищать тебя. Но у нас тоже есть производственные расходы, и мы должны платить по счетам.

Пит стряхнул в пепельницу пепел и снова пыхнул дымом. Он не удивился и не рассердился, и его лицо ничего не выражало.

– Хорошо. Посмотрю, что мне удастся сделать.

«Сделать ты можешь вот что, – хотелось сказать Джону, – подписать предъявленный чек, и дело с концом». Но вопрос поставлен, Пит о нем не забудет. А остальное они обсудят позже.

Рассел потянулся за бумагами и продолжил:

– Хотим тебе кое-что показать. Предварительные наброски к твоему процессу. Но прежде чем мы сможем пустить их в дело, тебе необходимо прочитать их и подписать.

Пит взял документы.

– Здесь очень много. Подытожьте своими словами. И желательно так, чтобы мог понять непосвященный.

Джон улыбнулся и кивнул:

– Разумеется, Пит. Первый документ: прошение к суду перенести место проведения процесса. Назначить его как можно дальше отсюда. Мы считаем, что люди настроены против тебя, и будет трудно найти симпатизирующих тебе присяжных.

– Где вы хотите устроить процесс?

– В соответствии с прецедентным правом выбор на усмотрении судьи. Зная Освальда, можно предположить, что он постарается сохранить контроль над процессом и далеко не поедет. Если удовлетворит наше прошение – что не факт, – то выберет место в пределах своего судебного округа. Мы будем настаивать, но, если честно, любое место лучше, чем здесь.

– Почему вы так считаете?

– Священник Декстер Белл пользовался уважением, у него было много паствы, и в округе есть еще восемь методистских церквей. Вторая по численности прихожан конфессия после баптистов. В этом заключается еще одна проблема: баптисты и методисты – как двоюродные братья и часто объединяются по сложным проблемам. Политика, виски, отделы среднего образования. Можно

часто наблюдать, как они поют под одну дудку.

– Знаю. Но я тоже методист.

– Однако. И у тебя есть сторонники, старые друзья и все такое прочее. Но большинство людей видят в тебе хладнокровного убийцу. Не уверен, что ты это признаешь. Жители округа думают о Пите Бэннинге так: он герой войны, но по каким-то только ему известным причинам пришел в церковь и застрелил безоружного священника.

– Пит, нам здесь ничего не светит, – подлил масла в огонь Рассел.

Бэннинг пожал плечами, словно такое положение его вполне устраивало. Он сделал то, что должен был сделать, и черт с ними, с последствиями. Бэннинг глубоко затянулся и смотрел, как дым клубами растекается по комнате.

– Почему вы решили, что в другом округе все пойдет по-иному?

– Ты знаешь методистских священников в округах Полк, Тайлер или Милберн? Разумеется, нет. Округа находятся рядом, но нам известны очень немногие из тех, кто там живет. А тамошние жители не знакомы ни с тобой, ни с Декстером Беллом.

– Мы стремимся устранить личные связи, – пояснил Рассел. – Не сомневаюсь, там тоже читали газеты, однако люди лично не знакомы ни с тобой, ни с Декстером. В таком варианте у нас больше шансов исключить враждебность и посеять сомнения.

– Сомнения? – удивился Пит. – С этого места поподробнее.

– Займемся и этим вопросом, а пока: ты согласен, что нам необходимо просить о переносе места суда?

– Нет. Если меня необходимо судить, пусть это случится тут.

– Единственный способ избежать суда – признать себя виновным.

– Ты предлагаешь мне признать себя виновным?

– Нет.

– Хорошо. Потому что я невиновен. И я не стану просить о переносе места проведения суда. Здесь мой дом, был моим домом всегда. Был домом моих предков. И если меня осудят, пусть это случится через дорогу отсюда.

Джон и Рассел разочарованно переглянулись. Пит положил документы на кофейный столик, не прочитав ни единой строчки. Закурил очередную сигарету и, небрежно скрестив ноги, словно ему некуда было спешить, посмотрел на Джона. В его глазах стоял вопрос: «Что дальше?»

Адвокат взял резюме и швырнул на стол:

– Вот на это ушел месяц юридических изысканий и писанины!

– И за это мне придется платить, – усмехнулся Бэннинг. – Если бы вы спросили меня заранее, я бы избавил вас от этого труда. Неудивительно, что у вас такие высокие расценки.

Джон кипел от ярости, Рассел морщился. Пит выпустил в сторону дым и продолжил:

– Вот что, ребята, я не против платить официальный гонорар, тем более что я в такой ситуации, как теперь. Но пять тысяч долларов? Я обрабатываю почти тысячу акров земли – непосильный труд восемь месяцев в году тридцати работников, – и если повезет и погода благоприятствует, если цены остаются на высоте, если удобрения помогают и не нападёт хлопковый долгоносик, если найдётся команда убрать урожай, каждые три-четыре года я зарабатываю после всех выплат двадцать тысяч долларов. Половина идет Флорри. Остается десять. И вы хотите забрать из этого половину.

– Ты занижаешь цифры, – возразил Джон. Его семья собрала урожай больше, чем Бэннинги. – Наш двоюродный брат очень неплохо заработал. И ты тоже.

– Если ты против наших расценок, можешь нанять кого-нибудь еще, – заявил Рассел. – В городе есть другие адвокаты. Мы только стараемся изо всех сил, чтобы защитить тебя.

– Ладно, парни, – кивнул Бэннинг. – Вы всегда заботились и обо мне, и о моей семье. Меня не возмущают ваши расценки, просто потребуется время, чтобы собрать деньги.

Адвокаты рассчитывали, что Пит легко подпишет чек, но он был фермером, из породы людей, у которых не так легко выжать монету. А еще адвокаты сочувствовали ему: скорее всего Пит больше никогда не будет обрабатывать землю, потому что либо умрет в ближайшее время на электрическом стуле, либо позднее в ужасной тюремной больнице. Незавидное будущее, и они не могли судить его за то, что он пытается сэкономить деньги.

В дверь постучала секретарша и вошла с изящным кофейным сервизом. Наполнила три чашки и предложила сливки и сахар. Пит размешал напиток, сделал глоток и потушил сигарету. Когда секретарша ушла, Джон продолжил:

– Хорошо. Вернемся к делам. Есть еще документ, который нужно обсудить. Единственный способ защиты – ссылка на временную невменяемость. Если тебя признают невиновным, что маловероятно, то только потому, что ты не мыслил адекватно, когда нажимал на курок.

– Я уже говорил, что не хочу этого.

– Я тебя услышал, Пит. Но речь не о том, чего ты хочешь или не хочешь. А о том, что наиболее приемлемо для нас на процессе. Точка. Если исключить помутнение рассудка, то нам остается одно: присутствовать в зале суда в качестве зрителей и следить, как прокурор накидывает тебе на шею петлю. Это тебя устраивает?

Пит пожал плечами, словно ему было безразлично.

– Делайте, что считаете нужным, но я не стану прикидываться сумасшедшим.

– Мы нашли в Мемфисе психиатра, он согласился осмотреть тебя и свидетельствовать на процессе в твою пользу. Он известный специалист и пользуется влиянием в подобных ситуациях.

– Наверное, тот еще придурок, если заявит, что у меня поехала крыша. – Пит улыбнулся, будто его рассмешила собственная шутка.

Адвокаты сидели с каменными лицами. Джон пригубил кофе, а Рассел закурил очередную сигарету. В воздухе не только плавал табачный дым, в атмосфере чувствовалось сильное напряжение. Юристы делали все от них зависящее, но клиент не оценил их труд и не воспринял серьезно собственный обвинительный акт.

Джон кашлянул и произнес:

– Вернемся к тому, где мы оказались. У нас нет защиты, нет оправданий, нет объяснения того, что случилось, и никаких шансов перенести процесс в менее враждебную обстановку. Тебя это устраивает?

Пит молча пожал плечами. Джон щипал лоб, будто старался избавиться от головной боли. Повисла тишина.

– Есть кое-что еще, о чем ты должен знать, – наконец проговорил Рассел. – Мы покопались в биографии Декстера Белла и обнаружили нечто, представляющее интерес. Восемь лет назад, когда он служил пастором в маленьком городке, возникла проблема. Там была молодая, двадцати лет, секретарша, недавно вышедшая замуж, и, похоже, между девушкой и пастором завязались некие отношения. Много слухов и никаких фактов. Однако Белл подал в отставку. Секретарша с мужем переехала в Техас.

– Мы копали не очень глубоко, – добавил Джон. – И доказать что-либо полезное не представляется возможным. Но, похоже, инцидент держали в строжайшей тайне.

– Это может всплыть здесь на суде?

– Нет, если не найти дополнительных улик. Хочешь, чтобы мы продолжали раскопки?

– Нет, если это ради меня. Не надо, чтобы об этом упоминалось на моем процессе.

– Пит, я могу спросить, почему? – нахмурился Джон. – Ты не оставляешь нам ничего, с чем мы могли бы работать.

Рассел закатил глаза. Казалось, он сейчас уйдет.

– Я сказал, нет, – повторил Бэннинг. – И чтобы об этом больше ни слова.

Утверждение, что Декстер Белл был дамским угодником, на суде скорее всего не приняли бы, но это помогло бы объяснить мотив убийства. Если Белл положил глаз на Лизу Бэннинг, когда ее муж пропал без вести, и она ответила ему вниманием, это приоткрыло бы завесу тайны. Однако было очевидно, что Пит этого не хотел. Он собирался унести свой секрет в могилу.

– Что ж, Пит, нам предстоит короткий процесс, – вздохнул Джон. – У нас нет ни защиты, ни свидетелей, ни аргументов для присяжных. С нами расправятся за день.

– Это еще мягко сказано, – добавил Рассел.

– Будь что будет, – кивнул Пит.

## Глава 11

За три дня до Рождества Джоэл сел в поезд на вокзале Юнион-стейшн в Нэшвилле, где в вагоне-ресторане его ждала его милая, стильная сестра. Стелле исполнилось восемнадцать лет – она была всего на полтора года моложе брата, но за последний семестр превратилась из поздно сформировавшегося подростка в красивую молодую женщину. Стелла казалась выше, и ее худощавая фигура обрела приятные округлости, что не укрылось от Джоэла. Стелла выглядела

старше, мудрее, более цельной, и, когда закурила, напомнила брату актрису с большого экрана.

– Когда ты начала курить? – спросил он. Поезд покинул город и устремился на юг. Перед ними стояли чашки с кофе, официанты суетились, собирая заказы на ленч.

– Дымила тайком с шестнадцати лет, – ответила Стелла. – Как и ты. В колледже, когда девушкам исполняется двадцать, они начинают курить в открытую, но это не одобряется. Хотела бросить, но тут Пит схватился за пистолет, и я задымила пуще прежнего, чтобы успокоить нервы.

– Тебе нужно бросить курить.

– А тебе?

– Мне тоже. Потрясающе выглядишь. Давай не будем начинать наше маленькое путешествие с разговоров о Пите.

– Ничего себе – начинать. Я в этом поезде уже шесть часов. Мы выехали из Роанока в пять утра.

Они заказали ленч и холодный чай и долго говорили о жизни в колледже: о предметах, любимых преподавателях и друзьях, о планах на будущее, делая вид, будто все нормально и оба их родителя не сидят под замком. Как только ловили себя на том, что касаются семейных дел, сразу меняли тему и заговаривали о грядущем годе. Джоэла приняли на юридический факультет в Вандербилте, но он хотел переменить обстановку. А еще в университет Миссисипи, но это было в часе езды от Клэнтон, и в сложившихся обстоятельствах казалось слишком близко от дома.

Студентка-второкурсница Стелла собиралась продолжить учебу. Ей нравился Холлинз, однако она хотела анонимности большого города. В колледже ее знали все, а теперь слышали и об отце. Стелла нуждалась в незнакомцах в жизни, которые бы не были в курсе, откуда она, или совершенно бы этим не интересовались. На романтическом фронте царил застой. В каникулы на День благодарения в Вашингтоне Стелла познакомилась с парнем, и они пару раз ходили на танцы и в кино. Он был студентом Джорджтауна, из приличной семьи,

казался воспитанным, обладал хорошими манерами, писал ей письма, но... искры не вспыхнуло. Стелла месяц водила его за нос и разбила ему сердце. Успехи Джоэла были еще скромнее. Несколько свиданий, однако ни одного, о котором стоило бы говорить. Предстоящие три года на юридическом факультете делали его неходовым товаром. И Джоэл готов был дать клятву, что до тридцатилетия останется холостяком.

Но как бы они ни старались, не могли обойти молчанием самую важную тему. Джоэл сказал, что за три недели до убийства отец перевел землю в их совместное владение. Он считал, что поступает предусмотрительно, а на самом деле – глупо. Обвинение использует данный факт в качестве доказательства, что отец заранее планировал преступление и предпринял шаги, желая защитить свою собственность. Джоэл достаточно времени провел в юридической библиотеке, чтобы понять: перспективы плачевны. И его сокурсник, чей отец был юристом, сказал, что у Джеки Белл хорошие шансы начать преследование Пита Бэннинга за причинение смерти в результате противоправных действий. Эта информация подвигла Джоэла на детальное изучение темы исков. И он также ознакомился с малоприятным разделом жульнических трансфертов. Действия отца могли быть оспорены работающими на Беллов адвокатами. Единый во всей стране закон гласил: человек, причинивший вред другому, не имеет права прятать собственность, которую потерпевший может потребовать в качестве компенсации.

Однако Джоэл верил в компетенцию фирмы Уилбэнксов. Не только за их юридическую грамотность, но и за политическую изворотливость. Он видел, что сестру взволновала угроза потери земли. Еще ее терзала мысль о том, что она потеряет отца, и волновала дальнейшая судьба матери. В общем, навалилось все сразу. В какой-то момент ее глаза увлажнились. Джоэл попытался успокоить Стеллу, пояснив, что всякую судебную тяжбу можно решить к обоюдному согласию. Кроме того, у них есть много более насущных дел. Через две недели их отца будут судить. И, согласно его воле, детям не разрешалось даже приближаться к дому.

Покончив с ленчем, они ушли в отдельное купе и закрыли за собой дверь. Поезд находился на территории штата Миссисипи и делал остановки в таких городах, как Корниш и Рипли. Стелла стала клевать носом и вскоре заснула.

Они ехали домой, потому что отец наконец вызвал их. Письмом, в котором назвал условия их визита на Рождество: 22-го приезд, дома не более трех ночей,

в город ни ногой, в церковь ни шагу, с друзьями общаться как можно меньше, семейных дел не обсуждать, время проводить с Флорри. Он организует их встречу, но она будет короткой.

Флорри тоже написала и предложила собственный план. Она встретила племянников на городском вокзале, одетая в осеннем стиле: в ярко-зеленое платье, свободное, как плащ-палатка, чтобы скрыть полноту. Платье ниспадало складками до лодыжек и переливалось в тусклом свете фонарей на платформе. В красной фетровой шляпе с широкими полями, которую решил бы надеть только цирковой клоун. На шее звякающие при каждом движении побрякушки. Увидев Стеллу, Флорри закричала и, бросившись к ней, чуть не задушила в крепких объятиях. После атаки на племянницу она кинулась на Джоэла, и тот увидел слезы в ее глазах. Стелла плакала, все они обнимались, а другие пассажиры шли мимо по платформе.

Дети дома. Семья тонула, и они в поисках поддержки хватались друг за друга. Господи, как Пит мог с ними так поступить?

Джоэл нес багаж, а женщины шли под руку и разговаривали. Они забрались на заднее сиденье «линкольна» 1939 года, и Флорри прервалась только для того, чтобы попросить племянника вести машину. Он только обрадовался – достаточно накатался с тетей, чтобы понимать, насколько это опасно для ее пассажиров. Джоэл нажал на газ, и они понесли прочь от Клэнтон, превышая все предписанные знаками ограничения скорости.

На шоссе 18 Флорри сообщила, что племянница и племянник будут жить в ее красном коттедже, а не у себя дома. Красный коттедж был по-рождественски украшен, прогрет, и там пахло стряпней Мариэтты. Их же дом казался необитаемым – темным и холодным. К тому же Нинева впала в депрессию, ничего не делала, бродила кругами, бормотала что-то под нос и плакала. Так, по крайней мере, утверждала Мариэтта.

Они свернули на поездную дорожку к дому и увидели, что он действительно темный и безжизненный. Джоэл остановил автомобиль перед окнами, не погасив фар, и выключил зажигание.

– Пошли внутрь, – пробормотала Флорри после паузы.

– Год назад на Рождество мы были здесь все вместе, – произнес Джоэл. – Отец вернулся с войны. Счастливая и красивая мать хлопотала по дому, радуясь, что собралась семья. Помнишь ужин в сочельник?

– Да, – тихо ответила Стелла. – Было много гостей, в том числе Декстер и Джеки Белл.

– Что, черт возьми, с нами случилось?

Поскольку ответа не существовало, объяснения никто не дал. У дома стоял грузовик Пита, рядом – купленный до войны семейный «понтиак». Машины на своих местах, словно владельцы дома и поставили их на ночь.

– Довольно, – поморщилась Флорри. – Хватит предаваться воспоминаниям. Заводи мотор, поехали. У Мариэтты на плите горшок с чили, и она печет чудопирог с карамелью.

Джоэл подал назад и двинулся по гравиевой дорожке, широко огибавшей амбары и навесы владений Бэннингов. Они миновали маленький белый домик, где десятилетиями жили Нинева и Эймос. В окнах горел свет, и с крыльца на них глядел пес Пита, – Мак.

– Как Нинева? – спросила Стелла.

– Как обычно, с капризами, – ответила Флорри. Ее вражда к домработнице Пита длилась с давних времен. Тогда женщины решили игнорировать друг друга. – Тревожится, как все. Никто не знает, что нас ждет в будущем.

– Как тут не тревожиться, – вздохнула Стелла.

Они ехали по темному участку дороги с бесконечными полями вокруг. Внезапно Джоэл остановился и выключил зажигание и фары. И не поворачиваясь, сказал:

– Ну вот, тетя Флорри, мы посреди пустыни, и никто не может подслушать наш разговор. Ты всегда знала больше остальных. В общем, давай, выкладывай: почему Пит убил Декстера Белла? Должна быть веская причина.

Флорри не отвечала, и чем дольше она молчала, тем нетерпеливее Джоэл и Стелла ждали ее слов. Вот сейчас приоткроется завеса тайны, и безумие обретет смысл. Однако ничего подобного не случилось.

– Бог свидетель, не знаю, – сказала она. – И не уверена, что мы когда-нибудь узнаем. Ваш отец вполне способен унести свои секреты в могилу.

– Отец злился на Декстера, в чем-то не соглашался, ссорился по церковным делам?

– Понятия не имею.

– У них были совместные предприятия? Понимаю, вопрос нелепый, но поразмышляй вместе со мной: я стараюсь отсеять все лишнее.

– Декстер был священником. Я не слышала, чтобы он занимался бизнесом, – ответила Флорри.

– Остается одно: единственное связующее звено между отцом и Декстером Беллом – наша мать. Я вспоминаю те первые дни, когда мы считали, будто отец погиб. В доме полно людей. Так много, что мне приходилось уходить и подолгу бродить вокруг фермы. Декстер часто находился с матерью. Они молились, читали Библию, иногда я тоже сидел с ними. Все были в шоке, а Декстер оставался спокойным и утешал. Помнишь, Стелла?

– Да. Он был замечательным. Постоянно рядом. Порой приходила с ним жена, но утешать, как он, не умела. После первого потрясения толпа в доме поредела, и мы могли вернуться к делам. Жизнь продолжалась.

– Вопрос такой, Флорри: как долго крутился вокруг нас Декстер, – произнес Джоэл. – Вот что я хочу знать.

– Не знаю, – ответила тетя. – И мне не слишком нравится твой тон. Он осуждающий, а я ничего дурного не совершила и ничего не скрываю.

– Мы только хотим ответа, – настаивал племянник.

– Его, может, не существует. Жизнь полна тайн, и нам не гарантированы откровения. У меня никогда не закрадывалось подозрений, что у Декстера Белла и вашей матери были какие-то особенные отношения. Одно предположение меня приводит в ужас. Ни от Мариэтты, ни от Ниневы не слышала о том ни намека. – Флорри перевела дыхание.

– Джоэл, заводи мотор, – попросила Стелла. – Я замерзла.

Он потянулся рукой к ключу зажигания.

– Сама я всегда держалась на расстоянии от Лизы, – продолжила Флорри. – И, разумеется, от Ниневы. Не представляла, как Пит мог жить в одном доме с этими женщинами. Но это меня не касалось.

Джоэл хотел возразить, что, по крайней мере, до войны в доме все ладилось и жизнь текла нормально. Стелла же подумала, но никогда бы не сказала вслух, что все неприятности были от тети Флорри. Но это происходило до войны, когда ее родители были более или менее одним целым.

Джоэл пощипал себя за переносицу.

– Пойми, я ни за что не осуждаю мать. У меня нет доказательств, просто сами обстоятельства ставят этот вопрос.

– Ты говоришь, как адвокат, – заметила сестра.

– Господи! – всплеснула руками Флорри. – На улице тридцать градусов, я околеваю. Поехали.

Днем в сочельник, когда Нинева хлопотала в кухне, одновременно готовя не менее пяти блюд, а Джоэл с сестрой ей мешали и пытались смешить ее, зазвонил телефон. Трубку поднял Джоэл и поздоровался с Никсом Гридли. Он ожидал звонка и, закончив разговор, сообщил сестре, что отец будет дома примерно через час. И ушел за тетей Флорри.

Десять недель в тюрьме ни для кого не проходят бесследно, но Пит Бэннинг старел быстрее многих. Волосы седели, в уголках глаз разбегались морщинки. Несмотря на то что сестра взяла тюремный рацион под опеку, он умудрился еще больше похудеть. Разумеется, для многих заключенных эти десять недель показались подобием свободы. Но Питу свобода не светила, а следовательно, не было надежды и смысла поддерживать дух. Так или иначе, он умрет заключенным, вдали от дома. Для него смерть имела преимущества. Во-первых, в физическом плане: весь остаток жизни ему придется терпеть боль, временами очень сильную – невеселая перспектива. Во-вторых, в моральном плане – ему не избавиться от картин невыносимых людских страданий. Порой эта ноша доводила Пита почти до безумия. Он бился, чтобы выбросить ненавистные образы из головы, но удавалось это очень редко.

Глядя в будущее, Пит понимал, что предстоящее Рождество станет для него последним. Он поделился этим с Никсом Гридли и добился от него разрешения в последний раз навестить ферму. Несколько месяцев Пит не видел детей и может не увидеть очень долго. Никс ему сочувствовал, однако не мог избавиться от мыслей о детях Белла, которые вообще никогда не увидят отца. По мере приближения дня суда шериф все больше убеждался, что в округе крепнут настроения против Пита Бэннинга. С трудом завоеванное восхищение горожан исчезло. Суд над ним продлится недолго.

Никс все-таки согласился разрешить Питу короткий визит домой – не более часа. Никому из других заключенных он подобной поблажки не дал, а Пита предупредил, чтобы тот не прговорился, куда отправляется. В верхней одежде Бэннинг ехал на переднем сиденье рядом с шерифом, по обыкновению молчал и смотрел на голые поля.

Никс сказал, что подождет в машине, но Пит не согласился – в доме тепло и там есть кофе.

Полчаса Бэннинг сидел за кухонным столом, вместе со Стеллой, Джоэлом, и Флорри. Нинева молча стояла у плиты и вытирала посуду. Радуюсь, что видит детей, Пит успокоился и задавал сотни вопросов об их учебе и планах. Шериф сидел в гостиной один, потягивал кофе, листал фермерские журналы и краем глаза смотрел на часы. Был сочельник, и ему хотелось отправиться в магазины за покупками.

Пит с детьми перешел из кухни в небольшой кабинет и закрыл за собой дверь. Сел со Стеллой на маленький диван, Джоэл пододвинул к ним деревянное кресло. Как только он заговорил о суде, у дочери в глазах мелькнули слезы. У Пита не было аргументов в защиту, и его ничего не стоило осудить. Неизвестно лишь то, что выберут присяжные: смертную казнь или пожизненное заключение. Ему безразлично: он смирился с судьбой и примет любое наказание.

Стелла расплакалась, а Джоэл готовился задавать вопросы. Однако отец сразу предупредил: один под запретом – почему он это совершил. На то имелись причины, но это касалось только его и Декстера Белла. Пит постоянно извинялся за стыд, неудобства и трудности, которые принес родным. Просил его простить, однако дети были к этому пока не готовы. Пусть сначала объяснит, что его толкнуло на ужасный поступок, и тогда рассчитывает на снисхождение. Кто они такие, чтобы прощать его? Да и грешник не желает очиститься, открыв мотивы. Бурлили эмоции, всем было неловко, и в итоге даже Пит уронил слезу.

Когда час истек, в дверь постучал Никс Гридли. Пит последовал за ним в полицейский автомобиль, чтобы вернуться в тюрьму.

Джеки Белл повела детей на церковную службу в сочельник. Они устроились с дедушкой и бабушкой, улыбавшимися им, место их отца пустовало, а сама Джеки села в конце скамьи. Сзади через два ряда расположился Эррол Маклиш, не слишком истовый методист, посещавший службы лишь время от времени. Джеки упомянула, что поведет детей в церковь, и Эррол тоже заглянул в храм. Он не подходил к ней, лишь наблюдал издали. Женщине нанесли страшную рану, она горевала, и Эррол уважал ее чувства. Но это когда-нибудь пройдет.

После службы Джеки с детьми отправилась к родителям на долгий обед и беседы у камина. Дети разворачивали подарки, а она снимала их на «Кодак». В свой маленький двухквартирный дом они вернулись поздно. Уложив детей в постель, Джеки уселась у елки. Она пила какао и, слушая на патефоне хоралы, боролась с тоской. Почему Декстер не украшает вместе с ней елку? Каково в тридцать восемь лет остаться вдовой? И что важнее: как ей одной вырастить три драгоценных создания, которые сейчас спят в другом конце коридора?

Все прошедшие десять лет Джеки сомневалась, что их брак продлится вечно. Декстеру нравились женщины, и он на них заглядывался. Пользовался своей

эффектной внешностью, харизмой и положением пастыря, чтобы манипулировать молодыми прихожанками. Никогда не попадался, ни в чем не признавался, однако оставил след подозрений. Клэнтон стал его четвертым местом церковного назначения и вторым, где он служил старшим пастором. Джеки приглядывалась к мужу внимательнее, чем раньше. Определенных доказательств не имела, чтобы что-то ему предъявить, но этот день мог настать. Хватило бы у нее духу разрушить семью и пройти через ужасную процедуру развода? Ведь ее наверняка осудили бы. Не лучше ли было молча терпеть, тем самым оберегая детей и спасая карьеру мужа? Джеки тихо геревала и никому ничего не говорила.

И вот теперь все проблемы в прошлом, она без мужа и метки развода. Дети напуганы. Однако страна возрождается после войны, во время которой погибли полмиллиона американцев. Напуганы все, травмированы, стараются прийти в чувство, собирая себя из осколков.

Похоже, Декстер все-таки с кем-то связался, но Лизу Бэннинг Джеки не подозревала. Та была смазлива, доступна. Но сколько ни приглядывалась Джеки, не видела в Лизе ничего выдающегося. Правда, муж гонялся за каждой простушкой, и она могла послужить приманкой.

Горюя о муже, Джеки смахнула слезу. Она будет любить его вечно, и от этого подозрения кажутся еще болезненнее. Джеки ненавидела это чувство, ненавидела за это Декстера, а порой и себя за то, что не хватило воли уйти. Но те дни канули. Больше не возникнет сомнений, куда поехал Декстер – утешить больную или на свидание. Что происходит на исповеди за закрытой дверью. И глядя на округлый зад прихожанки, она не станет задаваться вопросом, понравился он Декстеру или нет.

Джеки разрыдалась и не могла остановиться. От чего ее слезы: от горя, утраты, злости или облегчения? Джеки не понимала. Пластинка закончилась, и она пошла в кухню налить еще выпить. На столе стоял высокий торт с красной сахарной глазурью, его привез Эррол Маклиш в качестве рождественского подарка детям. Джеки отрезала ломтик, налила стакан вина и вернулась в гостиную.

Какой внимательный человек.

## Глава 12

После рождественского бекона, омлетов и печенья они попрощались с Мариэттой в красном коттедже, со всеми птичками, кошечками и собаками и сели в машину. Джоэл снова выступил в роли водителя, и она, очевидно, закрепилась за ним навсегда, поскольку других предложений от двух дам на заднем сиденье не последовало. Женщины болтали, хихикали и развлекали водителя. По радио передавали только рождественские гимны, но чтобы что-то услышать, Джоэлу пришлось усилить звук. Женщины жаловались, что музыка звучит слишком громко, а он сетовал на их нескончаемый щебет. Все смеялись, автомобильный старт удался. Отъезд из округа Форд всем принес облегчение.

Через несколько часов они подкатили к внушительным воротам Миссисипской государственной больницы в Уитфилде, и настроение в салоне резко изменилось. Лизу поместили сюда почти семь месяцев назад, и с тех пор почти ничего не сообщалось о том, как идет лечение. Ей писали письма, она не отвечала. Пит встречался с врачами, однако о содержании разговоров молчал. Лиза, возможно, знала об убийстве Декстера Белла. Но, не пообщавшись с докторами, в этом нельзя убедиться. Они могли пощадить больную и не сообщить им о трагедии. Или сами не знают, потому что им не сказал Пит. Охранник в форме сверился с бумагами, куда-то позвонил, и ворота открылись. Уитфилд был единственным в штате психиатрическим заведением и мог похвастаться множеством корпусов на территории свыше сотни акров. То, что называли кампусом, скорее напоминало окруженное полями, лесами и деревьями старинное поместье. Здесь лечились триста пациентов и жили пятьсот сотрудников. Для белых и черных были предусмотрены разные службы. Джоэл проехал мимо почты, туберкулезного корпуса, пекарни, озера, площадки для игры в гольф и крыла, где лежали алкоголики. С помощью многочисленных подсказок с заднего сиденья он наконец нашел здание, где находилась мать, и остановился.

Минуту они сидели в машине и смотрели на впечатляющее строение.

– Мы что-нибудь знаем о ее диагнозе? – спросила Стелла. – Депрессия, шизофрения, нервный срыв, суицидальные настроения? Может, она слышит голоса? Или Пит просто хотел удалить ее из дома?

Флорри покачала головой:

– Не знаю. Лиза быстро входила в «штопор», и Пит велел мне держаться подальше от дома.

За входной дверью угрюмая служащая спросил, назначено ли свидание. Флорри объяснила, что звонила два дня назад и разговаривала с миссис Фортенберри, администратором корпуса 41, в котором они сейчас находились. Служащая сказала, что миссис Фортенберри отсутствует, поскольку теперь все-таки день Рождества Христова. Флорри ответила, что ей известно, какой сегодня день, и что пришедшие с ней двое молодых людей – дети Лизы Бэннинг. Они хотят на Рождество повидать свою мать.

Служащая надолго исчезла, а когда вернулась, привела мужчину, который представился доктором Хилсебеком. Он повел их за собой, и они оказались в небольшом кабинете с двумя стульями для посетителей. Джоэл остался стоять у двери. Несмотря на свой белый медицинский халат, Хилсебек не походил на врача, хотя Бэннинги редко встречались с психиатрами и не могли судить, как те выглядят. У него был лоснящийся череп, бегающие глаза, визгливый голос, и он не вызывал доверия. Расположившись за столом, Хилсебек подвинул на середину папку и произнес:

– Боюсь, у нас проблема. – Он говорил снисходительно, с неприятным северным акцентом. И фамилия Хилсебек была явно не южная.

– Что за проблема? – спросила Флорри. Она уже уяснила для себя, что ей не нравится сорок первый корпус и те, кто в нем работает.

Хилсебек поднял брови, но не глаза, словно избегал встречаться с посетительницей взглядом.

– Я не могу обсуждать с вами проблемы этой пациентки. Ее опекун, мистер Пит Бэннинг, дал мне указание не говорить о ней ни с кем, кроме него.

– Она моя мать! – сердито воскликнул Джоэл. – И я хочу знать, что у нее со здоровьем.

Психиатр не ответил на его выпад, только закрылся листом бумаги, словно это было Евангелие.

– Судебное постановление из округа Форд, подписанное тамошним судьей. – Он смотрел в документ. – Судебный приказ о помещении в психиатрическую лечебницу и назначении Пита Бэннинга опекуном подопечной Лизы Бэннинг. Здесь ясно сказано, что все проблемы ее лечения не следует обсуждать ни с кем иным, кроме ее опекуна. Посещения родными и друзьями согласуются с Питом Бэннингом. Вчера мистер Бэннинг звонил, я разговаривал с ним несколько минут, и он напомнил мне, что на все встречи его подопечной я должен получать его разрешение. Прошу прощения, ничего не могу для вас сделать.

Посетители в недоумении переглянулись. Накануне они час провели с отцом. Спрашивали о матери и, не получив информации, не упоминали, что собираются навестить ее. Джоэл обратился к Флорри:

– Ты не говорила, что мы едем сюда?

– Нет. А вы?

– Тоже нет. Обсудили и решили, что лучше промолчать.

Хилсебек закрыл папку.

– Извините, но это выходит за рамки моих полномочий.

Стелла закрыла лицо руками и расплакалась. Флорри хлопнула себя по колену и указала на племянника:

– Они семь месяцев не видели мать!

– Глубоко сожалею.

– Скажите, по крайней мере, как ее здоровье? Неужели не хватит совести?

Психиатр поднялся и взял папку:

– Я не обижаюсь на ваши слова. Миссис Бэннинг лучше. Это все, что я могу ответить. – Он обошел стол и выскользнул в дверь.

Стелла вытерла щеки тыльной стороной ладони и тяжело вздохнула. Флорри взяла ее за руку.

– Проходимец, – прошептал Джоэл.

– Который? – уточнила тетя.

– Твой брат. Он понимал, что мы отправимся сюда.

– Почему отец так поступил? – Стелла подняла голову.

Ее вопрос повис в воздухе. Почему? Не потому ли, что он что-то скрывает? Может, рассудок Лизы в порядке, а поместили ее в лечебницу из-за того, что на нее рассердился муж? Это же Флорри упоминала о подруге детства, которую убрали из дома, потому что она тяжело переносила менопаузу.

Или Лиза действительно больна? Она испытала нервный срыв, получив известие, что муж пропал без вести и, вероятно, погиб. Возможно, она так и не восстановилась. Но почему Пит прячет ее от собственных детей?

Или ненормальный – Пит? Его так напугала война, что поехала крыша, и он в припадке безумия застрелил Декстера Белла. Бесполезно пытаться объяснить его поступки.

От этих мыслей их отвлек тихий стук в дверь. Они вышли из комнаты, где их встретили два невооруженных охранника в форме. Один улыбнулся и махнул рукой вдоль коридора. Их вывели из здания, и охранники наблюдали, как они отъезжают.

Когда они ехали мимо озера, Джоэл заметил маленький парк со скамейками и беседкой. Он повернул в том направлении. Не говоря ни слова, остановился, вылез из автомобиля, захлопнул за собой дверцу, закурил и направился к столу для пикников под дубом. Посмотрел на спокойную воду и ряды корпусов на противоположной стороне. Вскоре к нему присоединилась Стелла и попросила

сигарету. Опершись о стол, они курили и молчали. Вскоре подошла Флорри. И они, не обращая внимания на холод, стали размышлять, как поступить дальше.

– Надо возвращаться в Клэнтон, идти к нему и требовать, чтобы он разрешил нам повидаться с матерью, – предложил Джоэл.

– Думаешь, получится? – Флорри скептически покачала головой.

– Может, получится, может, нет. Не знаю.

– Не смешите, – возразила Стелла. – Он всегда на шаг впереди. Откуда-то узнал, что мы сюда едем. И вот результат: стоим у озера вместо того, чтобы говорить с мамой. Я не хочу сразу возвращаться в Клэнтон.

– Я тоже не хочу, – поддержала ее тетя. – У нас зарезервированы места во Французском квартале, вот туда я и направляюсь. На машине.

– У тебя же нет прав, – напомнил Джоэл.

– Это меня никогда не останавливало. Я уже ездила в Новый Орлеан. Туда и обратно без сучка, без задоринки.

– Поехали, – подхватила ее Стелла. – Мы заслуживаем немного развлечений.

Через пять часов Джоэл свернул с Кэнал-стрит на Ройал-стрит. Французский квартал жил праздничной жизнью: переулки заполнены местными и туристами, спешащими найти ресторан или заглянуть в клуб. Фасады и фонари в яркой иллюминации. На углу Ибервилл Джоэл остановился перед фасадом отеля «Монтелеоне», самым известным в квартале. Один гостиничный служащий взял их багаж, другой забрал автомобиль Флорри. Гости ступили в холл и будто оказались в другом мире.

Тремя годами раньше, когда семья не сомневалась, что Пит погиб, но продолжала молиться в надежде на чудо, Флорри уговорила Лизу, чтобы та разрешила ей устроить детям новогоднее путешествие. Лизу тоже пригласила, но та отказалась, заявив, что не в настроении праздновать. Флорри ожидала

подобной реакции и приняла отказ с облегчением. Они сели в поезд без нее, через шесть часов прибыли в Новый Орлеан и провели три незабываемых дня, гуляя по кварталу. Флорри любила и хорошо знала это место, а также отель «Монтелеоне». Однажды, потягивая в гостиничном баре джин, когда Джоэл пил виски, а Стелла ела шоколад, она призналась, что жить во Французском квартале – ее сокровенная мечта. Подальше от округа Форд, в ином мире, где писатели, поэты и драматурги творят и устраивают обеды для гостей. Флорри бы очень хотела, чтобы ее мечта превратилась в реальность... Однако на следующее утро извинилась за то, что много выпила и наговорила глупостей.

В рождественский вечер ее с племянником и племянницей тепло приветствовал менеджер и после бокала шампанского подтвердил заказ на девятичасовой ужин. Они разошлись по комнатам, чтобы привести себя в порядок.

За коктейлем Флорри озвучила основные правила их пребывания в Новом Орлеане: в следующие четыре дня не обсуждать ни одного из их родителей. Джоэл и Стелла с готовностью согласились. Флорри выпросила у консьержки, что происходит в городе. Оказалось, им найдется, чем заняться: здесь открылся новый джаз-клуб, шла новая бродвейская постановка, появились отличные рестораны. В общем, можно было гулять по кварталу, восхищаться французским антиквариатом на Ройал-стрит, глядеть уличные представления на Джексон-сквер, пить кофе и заедать пончиками в одном из уютных кафе в переулке, бездельничать, катаясь на речном трамвайчике вдоль дамбы, в городе всегда находилось что-нибудь новенькое.

Разумеется, будут долгие обеды в особняке на Чартрез-стрит, где их ждет мисс Твила, подруга Флорри по годам жизни в Мемфисе. Она такая же поэтесса, как Флорри – пишет много, публикует мало. Но в отличие от Флорри удачно вышла замуж. Ее муж умер молодым, и Твила стала богатой вдовой из тех, кто предпочитает общество женщин, а не мужчин. Из Мемфиса она уехала примерно в то же время, что и подруга, и построила этот красный особняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

## Примечания

1

Американская компания по производству тракторов и комбайнов. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Миссисипский университет.

----

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-grishem/rasplata>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)